
Огонек
31

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Колхоз-миллионер имени Ленина, Синельниковского района, Днепропетровской области, недавно отпраздновал двадцатилетие своего существования. В 1920 году 63 бедняцких хозяйства объединились в колхоз. Сейчас в колхозе 317 хозяйств, 4560 гектаров земли и [illegible]ерм. Валовой доход колхоза в 1940 году составл[illegible]иона рублей.

За годы сталинских пятилеток вокруг Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина вырос новый социалистический город — Сталинск. На снимке: проспект Молотова в Сталинске.

Колхоз-миллионер «Классовая борьба» (Марыйский район, Туркменской ССР), участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 и 1940 годов, собрал богатый урожай хлопка. На снимке: колхозники сдают хлопок на приемный пункт хлопкозавода имени Чкалова.

В западных областях Украинской и Белорусской ССР и в Карело-Финской ССР развернулась избирательная кампания по выборам депутатов в областные, районные, городские, сельские и поселковые советы депутатов трудящихся. На снимке: работники Шевченковского районного совета города Львова (справа налево) К. Самохвалова, Г. Салата и Д. Матвеев намечают избирательные округа.

←

В конце октября в Москве происходили всесоюзные соревнования стрелков-охотников. Более 50 спортсменов Москвы, Ленинграда и других городов принимало участие в этих соревнованиях. Звание чемпиона СССР получил воентехник 1-го ранга Ф. Д. Кабанов.

Молодежь Советской страны с огромным воодушевлением откликнулась на Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании государственных трудовых резервов. Тысячи заявлений поступают ежедневно в комиссии по призыву молодежи в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО. На снимке: председатель комиссии Ленинского района (Москва) тов. Волков принимает от дворника П. Аристархова заявление о зачислении его сына в ремесленную школу.

В депо станции Кишинев проходит общественный смотр готовности паровозов к зиме. Одним из первых признан готовым к работе в зимних условиях паровоз бригады машинистов А. Корчинского и Н. Знамировского. На снимке (слева направо): кочегары Ф. Кирика, А. Мусченко, помощники машинистов Ф. Степаненко и М. Маевский, машинисты Н. Знамировский и А. Корчинский.

На обложке: Латвийские школьницы. Фотоэтюд Ф. Кислова. На последней странице обложки: В горах Западного Тянь-Шаня. Фото С. Струнникова.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 31

(718)

Воскресенье, 10 ноября 1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Выступление И. В. Сталина на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. 17 ноября 1935 года.

К Двадцатилетие Казахстана

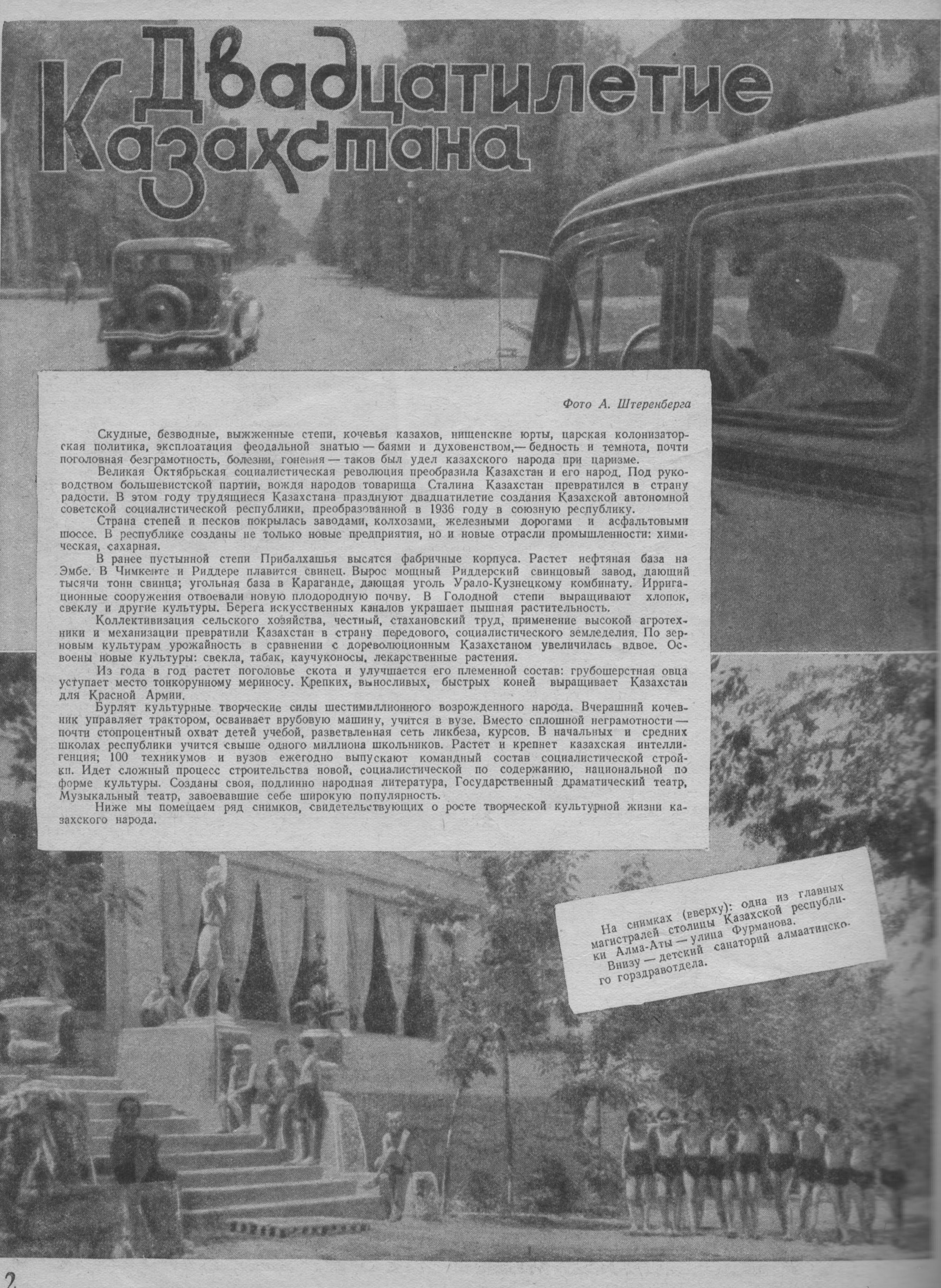

Фото А. Штеренберга

Скудные, безводные, выжженные степи, кочевья казахов, нищенские юрты, царская колонизаторская политика, эксплоатация феодальной знатью — баями и духовенством,— бедность и темнота, почти поголовная безграмотность, болезни, гонения — таков был удел казахского народа при царизме.

Великая Октябрьская социалистическая революция преобразила Казахстан и его народ. Под руководством большевистской партии, вождя народов товарища Сталина Казахстан превратился в страну радости. В этом году трудящиеся Казахстана празднуют двадцатилетие создания Казахской автономной советской социалистической республики, преобразованной в 1936 году в союзную республику.

Страна степей и песков покрылась заводами, колхозами, железными дорогами и асфальтовыми шоссе. В республике созданы не только новые предприятия, но и новые отрасли промышленности: химическая, сахарная.

В ранее пустынной степи Прибалхашья высятся фабричные корпуса. Растет нефтяная база на Эмбе. В Чимкенте и Риддере плавится свинец. Вырос мощный Риддерский свинцовый завод, дающий тысячи тонн свинца; угольная база в Караганде, дающая уголь Урало-Кузнецкому комбинату. Ирригационные сооружения отвоевали новую плодородную почву. В Голодной степи выращивают хлопок, свеклу и другие культуры. Берега искусственных каналов украшает пышная растительность.

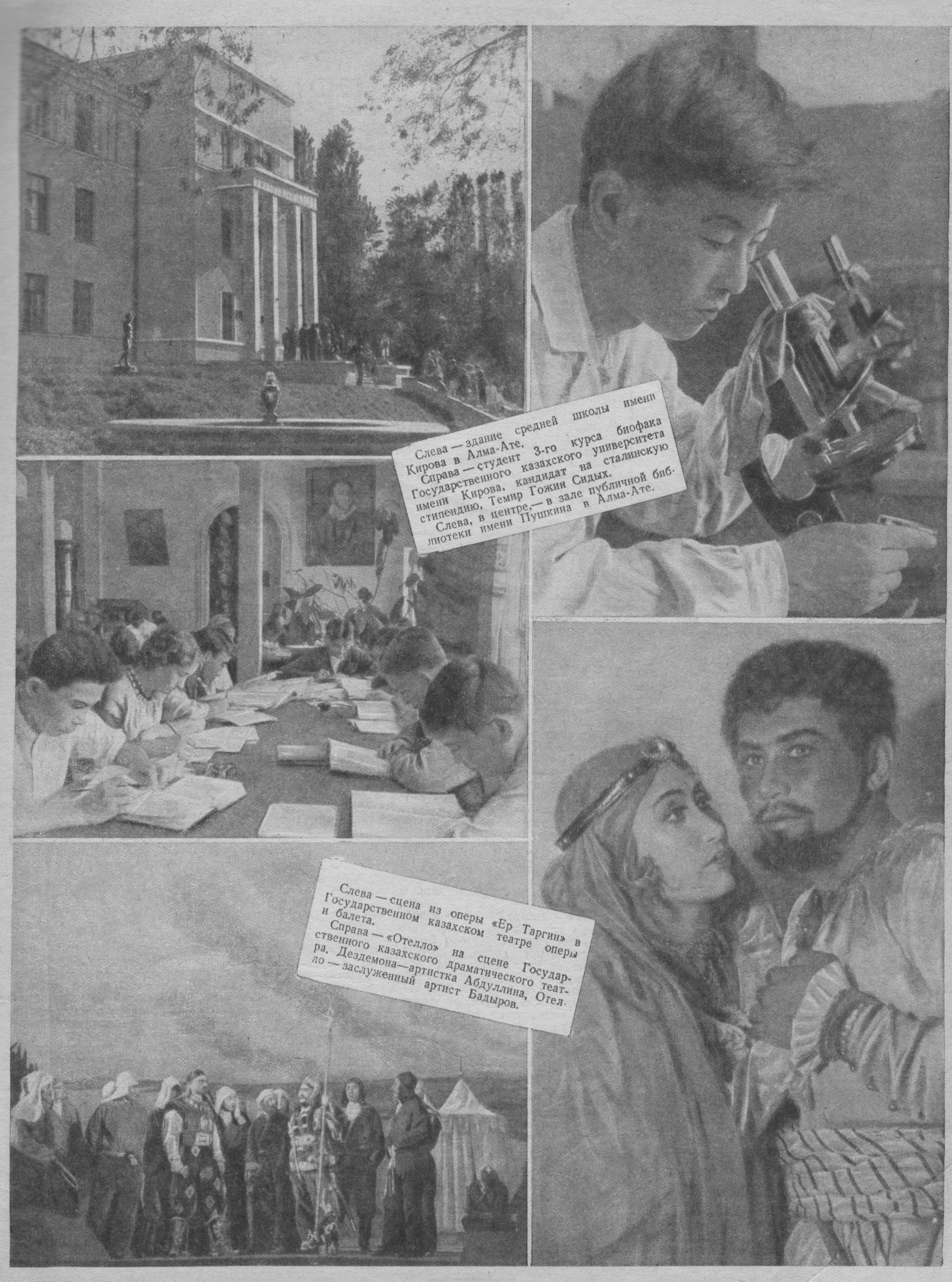
Коллективизация сельского хозяйства, честный, стахановский труд, применение высокой агротехники и механизации превратили Казахстан в страну передового, социалистического земледелия. По зерновым культурам урожайность в сравнении с дореволюционным Казахстаном увеличилась вдвое. Освоены новые культуры: свекла, табак, каучуконосы, лекарственные растения.

Из года в год растет поголовье скота и улучшается его племенной состав: грубошерстная овца уступает место тонкорунному мериносу. Крепких, выносливых, быстрых коней выращивает Казахстан для Красной Армии.

Бурлят культурные творческие силы шестимиллионного возрожденного народа. Вчерашний кочевник управляет трактором, осваивает врубовую машину, учится в вузе. Вместо сплошной неграмотности — почти стопроцентный охват детей учебой, разветвленная сеть ликбеза, курсов. В начальных и средних школах республики учится свыше одного миллиона школьников. Растет и крепнет казахская интеллигенция; 100 техникумов и вузов ежегодно выпускают командный состав социалистической стройки. Идет сложный процесс строительства новой, социалистической по содержанию, национальной по форме культуры. Созданы своя, подлинно народная литература, Государственный драматический театр, Музыкальный театр, завоевавшие себе широкую популярность.

Ниже мы помещаем ряд снимков, свидетельствующих о росте творческой культурной жизни казахского народа.

На снимках (вверху): одна из главных магистралей столицы Казахской республики Алма-Аты — улица Фурманова. Внизу — детский санаторий алмаатинского горздравотдела.

Слева — здание средней школы имени Кирова в Алма-Ате.

Справа — студент 3-го курса биофака Государственного казахского университета имени Кирова, кандидат на сталинскую стипендию, Темир Гожин Сидых.

Слева, в центре,— в зале публичной библиотеки имени Пушкина в Алма-Ате.

Слева — сцена из оперы «Ер Таргин» в Государственном казахском театре оперы и балета.

Справа — «Отелло» на сцене Государственного казахского драматического театра. Дездемона—артистка Абдуллина, Отелло — заслуженный артист Бадыров.

Андре Моруа

ИЗ ЗАПИСОК ОЧЕВИДЦА

«В конце 1935 года я обедал в Лондоне у леди Лесли с ее племянником Уинстоном Черчиллем. Когда мы поднялись из-за стола, он взял меня об руку и увлек в соседнюю комнату.

— Мистер Моруа,— непринужденно начал Черчилль,— не пишите больше романов. И не нужно вам больше писать биографий!

Я с некоторым изумлением смотрел на него.

— Знаете, что вам сейчас надлежит делать? — продолжал он.— Пишите ежедневно статью, каждый день по одной статье. Вы должны выразить в этих статьях в любой форме, какая только вам заблагорассудится, одну и ту же мысль. Французская авиация, когда-то лучшая в мире, скатывается на четвертое или пятое место. Вот в чем дело. Если вы скажете эту истину Франции, если вы заставите Францию вникнуть в это, то вы сделаете бесконечно более важное дело, нежели будете описывать любовные интрижки какой-нибудь дамы или честолюбие какого-нибудь господина.

Я ответил, что, к сожалению, не являюсь специалистом в области авиации и не пользуюсь никаким авторитетом, чтобы выступать по этим вопросам: никто не будет со мной считаться, если я попытаюсь выступить. Поэтому, вопреки его совету, я буду, как и до сих пор, писать романы и биографии.

— Вы неправы, — заметил Черчилль. — В данный момент лишь одна тема должна интересовать француза — угроза с воздуха. Поймите, вашей стране угрожает гибель. Культура и литература — бесценные сокровища, но культура без силы очень скоро может перестать быть живой культурой.

Я не писал статей, которые требовал от меня Черчилль, и сейчас горько сожалею об этом. Уже тогда этот разговор произвел на меня глубокое впечатление и вселил в меня тревогу. Неоднократно я осведомлялся в соответствующих инстанциях о состоянии нашей авиации. Ответ был уклончивый либо пессимистический.

— Если начнется война,— выслушал я от одного полковника, который командовал бомбардировочной эскадрильей в Лионе,— мы все храбро погибнем, но большего сделать не можем.

— Почему?— спросил я.

— Потому что у нас очень мало самолетов, и к тому же они устарели...»

Положение во французской авиопромышленности не улучшилось, продолжает Моруа, и в 1937 году производство упало до тридцати восьми самолетов в месяц.

★

«В июне 1939 года «Франко-британский альянс» давал званый обед, на котором присутствовали английский военный министр Хор-Белиша, французский министр иностранных дел Боннэ и генерал Гамелен. Хор-Белиша заявил, что в случае войны английские войска будут сражаться под французским верховным командованием; он гордится тем, что может говорить о «нашем генерале Гамелене».

Несколько дней спустя Хор-Белиша вновь прибыл в Париж в сопровождении Черчилля, чтобы присутствовать на большом воинском параде 14 июля. Это было великолепное зрелище. Никогда еще французская армия не представала в таком блеске. Мы вывели на парад все, что составляло славу Франции: егерей, зуавов, морскую пехоту, иностранный легион, регулярные части. Черчилль сиял.

— Благодарение всевышнему за французскую армию!— говорил он.

Мы еще не знали, что отвага и военные способности людей бессильны, когда хромает техническое оснащение.

Днем Хор-Белиша нанес мне визит в Нейи. Он рассказал мне о трудностях, с которыми сопряжено создание британской армии.

В зарубежной печати опубликована серия очерков известного французского писателя Андре Моруа, автора романа «Ариэль» из жизни Шелли и Байрона, романов «Фабрикант Кеней», «Превращения любви» и других художественных произведений.

Андре Моруа состоял в войну 1914—1918 годов офицером для связи при штабе английского командования во Франции. Эти же функции выполнял он и в нынешнюю войну. У Моруа крупные связи в высших правительственных и военных сферах Парижа и Лондона. Он общался с министрами, дипломатами, генералами, парламентскими деятелями обеих стран. Очерки Моруа основаны на повседневных личных наблюдениях. Он непосредственный свидетель и очевидец катастрофы, которая обрушилась на Францию.

Андре Моруа, принадлежащий к лагерю французской реакции, хотел бы обелить своих политических единомышленников — виновников поражения, снять ответственность с правящих классов Франции. Однако ему это не удается. Приводимые им факты сами говорят за себя.

Ниже приводятся с некоторыми сокращениями записки Моруа.

— Воинская повинность,— сказал он,— хороша и правильна, но пока она больше остается формулой чем действительностью. Не хватает оружия, чтобы вооружить военнообязанных, не хватает офицеров, чтобы их обучить. Офицеры, участвовавшие в мировой войне, не умеют обращаться с новым оружием.

На мой вопрос, сколько дивизий в состоянии отправить он во Францию, если завтра начнется война, он ответил:

— В первый момент не больше шести дивизий.

Эта цифра ошарашила меня. Но мне стало еще страшнее, когда вслед за этим я узнал, что наш генеральный штаб затребовал от Англии на все время европейской войны только тридцать две дивизии. Я вспомнил, что в 1918 году на французском фронте было не менее восьмидесяти пяти британских дивизий, на нашей стороне были Америка, Россия, Италия и Япония, и все же мы были на волосок от поражения».

★

Война началась. Собственно, не война, а то состояние «странной войны», которое длилось свыше восьми месяцев. Штабные сводки неизменно повторяли: «На фронте без перемен».

«Людям,— пишет Моруа,— надоело без конца рыть под дождем окопы, не видя перед собой противника. Нужно было использовать время, постепенно уводить в тыл одну дивизию за другой, обучать их новым методам войны. При этом следовало учесть уроки войны в Польше. Но мы настолько мало думали о настоящей войне, что над нашими генералами довлели соображения, вообще говоря, похвальные в условиях мирного времени.

Однажды я спросил генерала, почему не приучает он солдат бороться с огнеметными танками и пикирующими бомбардировщиками.

— Если они впервые ознакомятся с этими новыми видами оружия лишь на поле битвы,— сказал я,— они будут охвачены ужасом. Если же приучить их бороться с этими машинами, то первое впечатление быстро сгладится.

— Вы совершенно правы,— ответил генерал.— Я уже неоднократно ставил этот вопрос. Но всякий раз мне отвечали, что подобные учения могут отразиться на состоянии посевов и что гражданские власти по этой причине высказываются против таких занятий...

Создавалось впечатление, что за линией фронта никто и не думает об опасности неприятельского вторжения. Каждый лишь жаловался на скуку... В Париже и Лондоне стали создавать для армии всевозможные виды обслуживания: полевые библиотеки, радио для армии, развлечения для армии, спорт для армии, искусство для армии, театры для армии. Одна дама, расстроенная этим легкомыслием, заметила, что она создала бы новый вид обслуживания — войну для армии. Она, пожалуй, была права. Вдоль линии расположения английских войск разъезжали в военных автомобилях и в сопровождении офицеров концертные труппы, состоявшие из известных актеров и пикантных певичек из варьете. Морис Шевалье с величайшей готовностью пел перед воинскими частями союзников. Его приезд в Аррас наделал больше шума, чем если бы вместо него прибыл президент Лебрен.

Все было так мило и безмятежно.

В то время как страна в самый тяжкий момент ее истории имела в своем распоряжении лишь немногие недели, чтобы исправить ошибки прошлого, построить свои укрепления и обучить своих солдат, французы и англичане, за исключением нескольких участков фронта, продолжали жить постаринке, по мельчайшим правилам рутины, заведенной военной бюрократией.

В Аррасе находилось несколько тысяч солдат, принадлежавших к французским территориальным частям, старых солдат, которых командование вообще не использовало. Почему их призвали, я так и не мог узнать. Офицеры старались чем-нибудь занять этих людей: их заставляли работать на огородах, ходить за курами, кроликами и свиньями. Это все было похвально, но более срочно требовалось укрепить Аррас и линию реки Скарпа. Один из моих приятелей — офицеров — набрался духу и сказал об этом генералу. Предложение не встретило взаимности.

— Укрепить Скарп! Но так далеко врагу никогда не удастся забраться. Вы пораженец. Ждите приказа...

Не раз приходилось мне слышать от офицеров тревожные замечания. Генерал одной североафриканской дивизии признался мне, например, в том, что он надеется на переговоры, которые прекратят войну.

— Немцы,— сказал он,— значительно превосходят нас численностью и несравненно лучше вооружены. Борьба будет неравной. Мои люди не уступят в храбрости другим, но если у нас нет ни одной противотанковой пушки, то голыми руками неприятельского танка не задержишь.

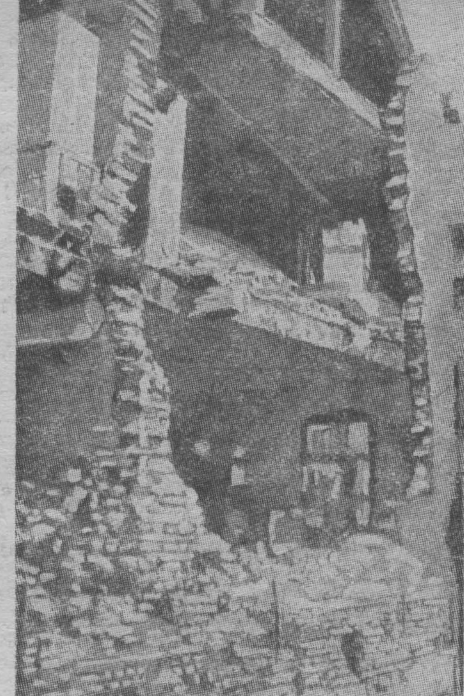
Даже генерал Жиро, настоящий рубака, полагал, что он сможет перейти в наступление не ранее весны 1941 года.

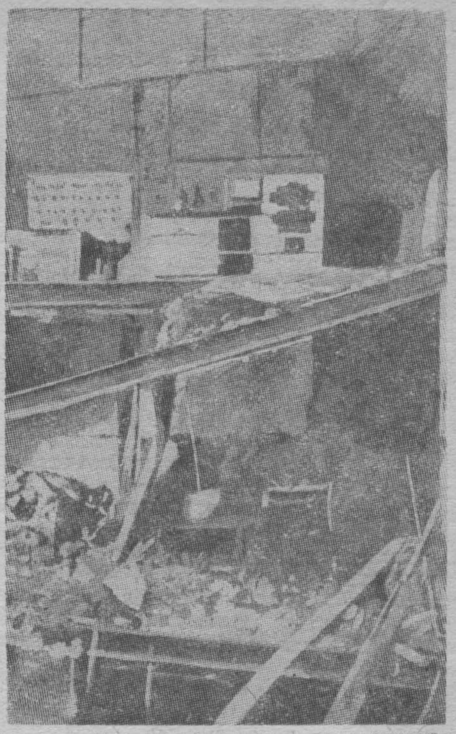
— Безобразие!— сказал он.— У нас во многом нехватка. Прежде всего — самолеты. Знаете, сколько самолетов находится в распоряжении командующего армией, то есть моем? Восемь штук! Разумеется, есть еще английская авиация. Она великолепна. Но если бы мне понадобилось, чтобы она произвела разведочный полет, я вынужден был бы обратиться к генералу Жоржу, тот — к генералу Гамелену, этот — к маршалу английской авиации Баретту, последний — к вицемаршалу Блонту, и только от него последовал бы приказ о вылете. Пока доберешься до Блонта, все дело уже не стоит выеденного яйца.

★

С самого начала войны Поль Рейно проявлял враждебность в отношении генерала Гамелена. Он упрекал его в бездействии и утверждал, что армия не питает доверия к Гамелену. Мне в этом трудно было разобраться. Генерал, правда, не предпринял осенью 1939 года энергичной атаки на «линию Зигфрида», а ограничился лишь осторожными операциями в Саарской области. Его противники утверждали, что тогдашний момент, когда большая часть германских армий была занята в Польше, от-

ПО СЛЕДАМ «ХЕЙНКЕЛЕЙ» И «ВЕЛЛИНГТОНОВ»

На фотоснимках, заимствованных нами из английских и германских газет, показаны:
Разрушения, причиненные взрывом германской бомбы крупного калибра в одном из северозападных городов Англии (вверху слева).
Развалины дома № 17 на Шутцендорфштрассе в Веддинге, одном из районов Берлина (вверху в центре).
Развалины дома на Риттерштрассе в Берлине (вверху справа).
Разрушения в одном из кварталов западной части Лондона (справа).

крывал лучшие возможности для решительного удара.

На это генерал Гамелен возражал, что союзники не располагали в начале войны необходимым для наступления вооружением и что мы, в частности, не имели достаточного числа самолетов и тяжелых орудий. Без этого атака сопряжена была с тяжелыми потерями.

— Я не буду начинать войну с верденской битвы,— сказал Гамелен.— Франция,— продолжал он,— страна с низкой рождаемостью и уже понесла страшные потери в минувшую войну. У нее нет сил перенести вторичное кровопускание. Война, которую ведет теперь Франция, должна базироваться на науке: все должно быть так предусмотрено, чтобы обойтись почти без потерь...

В начале мая 1940 года я направился на фронт, чтобы посетить находившуюся под командованием генерала Корапа IX армию, которая несколько дней спустя развалилась под страшными ударами германских моторизованных дивизий. Штаб армии находился в старинном городке Вервене. Вечером, после своего прибытия, я писал жене:

«Люди здесь симпатичные, но они несколько староваты, песок сыплется...»

Генерал Корап—скромный человек, на нем не очень заметна военная выправка, тучноват. Ему стоило известных усилий нагнуться, чтобы надеть обувь. Беседа с ним была интересна, но чувствовалось, что он весь в прошлом. Он вспомнил про англо-французский инцидент в Фашоде[1]; он был тогда молодым лейтенантом; рассказал, как пятнадцать лет назад взял в Марокко в плен вождя повстанцев Абд-эль-Керима. Это была высшая точка его карьеры. По сравнению с той задачей, которая теперь стояла перед генералом, эта высшая точка выглядела, надо думать, как холмик, нарытый кротом.

Я направился в воинские части, расположенные перед Фурми и Шарлевиллем, и был весьма поражен, увидев, как мало там было войск. Когда я вернулся в Вервен, мне казалось, что я еду по заброшенной местности.

★

У всех глубоко укоренилась мысль о том, что противник поведет фронтальное наступление, которое будет развиваться очень медленно; что он будет продвигаться в лучшем для него случае по нескольку километров в день, как в 1914 году, причем у него будут создаваться легкоуязвимые, выдвинутые вперед участки. Никто поэтому не думал о том, что следует принять меры для обороны Дуэ или Вервена, Аббевилля или Амьена.

Полковники и генералы, коменданты этих пунктов, расположенных столь близко от фронта, были учтивые старики, давно уже вышедшие в запас и вновь призванные в начале войны, чтобы занять эти посты, которые считались в армейских кругах «теплыми местечками». Эти почтенные бюрократы, утопавшие в грудах бумаги, не имели никакого представления о том, что надлежит им предпринять в случае, если у вверенных им городов появятся неприятельские войска с танками или на мотоциклетах с пулеметами. Положение осложнялось тем, что эти прифронтовые пункты и соединявшие их железнодорожные пути являлись коммуникациями наших армий.

Снабжение для британской армии доставлялось по железнодорожной линии Амьен—Аррас—Дуэ—Лилль, в крайнем случае, оно могло идти по линии Булонь—Аббевилль. В случае их прорыва армия оказалась бы отрезанной от своей базы.

Поскольку все надежды союзников возлагались на занятую ими линию фронта, чтобы встретить там германское наступление, то следовало бы, по крайней мере, удержать эту линию во что бы то ни стало. Она была не очень сильна, но она существовала. В марте и апреле из Англии прибыли большие экскаваторы, которые вырыли на британском участке фронта рвы—ловушки для танков. До того времени противотанковые препятствия были недостаточны, и это очень встревожило меня в октябре, когда я был в этих местах. Но высшей точки человеческая глупость, повидимому, достигла тогда, когда после восьми месяцев строительства таких препятствий и огневых точек все

[1] В 1893 году.

построенные укрепления были брошены при первом же движении противника, чтобы затем принять в открытом поле бой, сопряженный со многими случайностями.

— Первый, который отважится в этой войне выйти из своего прикрытия, поставит себя в очень трудное положение...

Я сам слышал, как генерал Гамелен однажды высказал это соображение. По всей вероятности, этот опасный выход не соответствовал его желаниям, а был ему навязан политическими соображениями. Во всяком случае, этот выход давно уже подготовлялся. На протяжении месяца я наблюдал, как в генеральных штабах во всех деталях изучался план вступления в Бельгию. Планы разрабатывались с такой тщательностью, чтобы выиграть минут пять в тот день, когда бельгийский король обратится к нам с призывом о помощи. Высчитали, что сопротивление бельгийской армии даст нам столько времени, что мы сможем прочно занять линию от Антверпена до Намюра. Генерал Жиро должен был тотчас же устремиться к Бреде.

Немцы знали совершенно точно, какие передвижения мы предпримем в случае вторжения в Бельгию; они знали это потому, что мы любезно предоставили им возможность наблюдать за генеральной репетицией этого маневра.

Это произошло следующим образом. Однажды германский самолет сделал посадку в Бельгии. Его пассажирами были штабные офицеры, имевшие при себе план вторжения в Бельгию в определенный день. Они для видимости пытались сжечь свои документы, но постарались, чтобы это им не удалось. Мы тотчас же были осведомлены об их планах. Британская армия была приведена в состояние боевой готовности № 3, затем № 2 и, наконец, № 1, что означало, что каждый должен быть готов в течение двух часов к наступлению. Затем были проведены огромные передвижения войск, все резервы были двинуты на фронт, а немцы наблюдали со своих разведывательных самолетов за всеми этими действиями и тщательно отмечали их, повидимому, будучи весьма изумлены успехом своей военной хитрости...

Само собой разумеется, в указанный день не произошло никакого вторжения. Бельгийцы не обратились к нам с призывом, и наши дивизии вернулись на свои исходные позиции; в итоге были затрачены огромные массы горючего. Генерал Мак Фарлан, начальник разведки, очень хорошо знавший германскую армию, и единственный англичанин, пессимистически расценивавший исход войны, все же был убежден что германское наступление начнется через Голландию.

— Сто десять германских дивизий попрежнему еще стоят у Аахена,— говорил он.— Они собраны там не без основания.

★

11 мая я перешел бельгийскую границу вместе с британскими частями. В восхитительных старомодных городках и чистеньких деревнях женщины стояли перед дверьми, в руках у них были охапки цветов, которые они раздавали солдатам. Один из английских военных корреспондентов, описывавший в лирических выражениях этот подлинно триумфальный въезд, получил от своей редакции прозаическую телеграмму: «Меньше цветов и больше фактов». Ему не стоило труда выполнить эту инструкцию. Уже на другой день цветы исчезли. Факты дали о себе знать самым грубым образом.

В бельгийских деревнях женщины попрежнему стояли перед домами, но теперь они с трепетом наблюдали за горизонтом, где поднималось зарево пожарищ.

И уже через несколько дней целые деревни, охваченные дикой паникой, снимались с места вместе со своим бургомистром, муниципальными чиновниками и священником. Вскоре дороги были забиты беженцами. Это было потрясающее зрелище. Сначала двигались автомобили богатых с элегантно одетыми шоферами. Далее следовали машины, владельцы которых сами сидели за рулем; к верху автомобиля были привязаны матрацы. Затем двигались большие крестьянские телеги, на которых восседали целые семьи, а за ними — армии велосипедистов.

Ничто не действует так заразительно, как бегство. Едва только поток бельгийских крестьян достигал нового населенного пункта уже на французской территории, как он захватывал население и увлекал за собой. Наши моторизованные колонны, двигавшиеся в первый день в таком прекрасном порядке, погрузились в волны этого человеческого моря. В войне 1914 года не было подобного замешательства даже после прорыва фронта у Амьена в 1918 году. Почему? Потому, что на этот раз страх был гораздо сильнее чем тогда. Только твердая решительность военных и гражданских властей смогла бы удержать этих людей и заставить их оставаться в своих домах. Но слишком часто сами власти срывались со своих мест. Охваченные безнадежным страхом, все рвались в беспорядке вперед.

К этому замешательству, препятствовавшему операциям и передвижениям войск, добавилась еще одна беда, нарушившая управление армиями фронта. В разгаре боев были смещены главнокомандующий и 15 генералов. Генерал Вейган, вызванный из Сирии, был задержан в пути штормом. Группа армии на севере, на которую обрушился со всей силой удар германских войск, находилась под командованием генерала Бийотта, очень энергичного офицера, превосходно знавшего свое дело; в критический момент битвы он погиб при автомобильной катастрофе. Занявший его место генерал Бланшар был также способный военачальник, но он вынужден был принять руководство боем при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах.

★

Я находился в штабе британской армии, когда там стало известно о катастрофе при Седане, о германском прорыве и поражении армии генерала Корапа.

Прорыв был молниеносен и полностью удался. Тысячи танков, снабженных огнеметами, и самолеты, снабженные ревущим приспособлением, были брошены на армию Корапа. Несмотря на это была возможность оказать сопротивление, если бы у атакованных частей были орудия, которые могли бы противостоять танкам. Можно себе представить возмущение наших солдат, когда они заметили, что снаряды не в состоянии пробить броню германских танков! Заводы Шкода изготовили такие броневые плиты, о которых до сих пор и думать нельзя было. Германские танки столь же мало обращали внимания на наши снаряды, как Гуливер на стрелы лилипутов. Наши артиллеристы вскоре обнаружили, что в случае нужды наши 75-миллиметровые полевые орудия могут быть использованы против танков. Но это был паллиатив, а не организованный отпор.

Мы все спрашивали себя тогда, как это было возможно, чтобы немцы форсировали Маас? Почему не были взорваны мосты? В британской армии говорили, что люди, на которых была возложена ответственность за взрыв моста, были перебиты парашютистами или шпионами и кроме того не хватало взрывчатых веществ. Быстрота продвижения германских танков превзошла все ожидания, и армия Корапа полностью была застигнута врасплох.

★

Один из отважных подвигов войны был совершен над Маасом. Французские и английские летчики получили приказ во что бы то ни стало разрушить некоторые мосты. Две группы бомбардировщиков: одна — французская, другая — английская, принесли себя в жертву для этого. Сначала на небольшой высоте полетели французы, за ними — англичане. Я не узнал, каковы были французские потери, но я знаю, что из шестидесяти британских самолетов сорок не вернулись назад.

Этот пример подобно тысячам других показывает, что у солдат союзных армий не было недостатка в храбрости и отваге. Но подобно тому, как микробы легко проникают в ослабленный организм, так и элементы моральной слабости, имевшиеся в наших армиях, стали быстро размножаться, как только страшный опыт обнаружил недостаточность нашего вооружения.

После несчастья под Седаном распространился миф о непобедимости противника, и это стало оправданием для всех, кто стремился отступать. Продвижению германских моторизованных колонн предшествовали страшные слухи, которые облегчали им путь. Эти устремившиеся на запад колонны ударили по тылам наших оперировавших на севере армий.

Аррас был переполнен слухами:

— Немцы в Дуэ! Немцы в Камбрэ!..

Передававшиеся шопотом, из дома в дом, из магазина в магазин, слухи привели в движение тысячи мужчин, женщин и детей и даже побудили командиров воинских частей отдать приказ об отступлении к побережью, где они попали в ловушку.

Германские парашютисты в Голландии и Бельгии играли очень реальную роль, но страх перед ними усиливал их действенность в десять раз. Слухи летели в сто раз быстрее чем германские «Мессершмидты». Только этим объясняется, что маленькие германские отряды смогли без боя занять важные позиции. Они занимали вокзалы, дезорганизовали движение поездов.

★

Оборона Арраса уэльскими гвардейцами и горсткой французских зуавов является вторым доказательством храбрости.

Я наблюдал, как гвардейцы под командованием французского офицера, майора Пумье, с величайшим спокойствием готовились к защите своих позиций. У всех выходов из города они строили баррикады из мешков с песком для защиты своих пулеметов и противотанковых орудий. Когда появились германские танки, они их задержали, некоторые разрушили, другие подожгли. Неприятельская колонна направилась к городу кружным путем, но действенный и храбрый отпор продолжался еще почти целую неделю, пока гвардейцы и зуавы в хорошем порядке не отступили к Дюнкерку.

Если бы имелось много подобных точек сопротивления, то они способствовали бы проведению контрнаступления, которое намечал генерал Вейган, чтобы закрыть брешь между Аррасом и Бапомом, в тылу германских моторизованных колонн. Но вызванный беженцами беспорядок, отсутствие резервов, хаос на линиях сообщения и дезорганизация генеральных штабов союзников, помешали проведению этой операции.

★

В Амьене попали в дикий поток беженцев. Весь город был ими наводнен. Вокруг вокзала сидели люди, с серыми и бескровными лицами,— на мешках, на тротуаре, на мостовой.

Они опустошили продовольственные кладовые ресторанов, печи булочных и лавки бакалейщиков так беспощадно и основательно, как могильные черви пожирают труп.

В три часа утра полковник Медликотт, с которым я прибыл в Аррас, велел передать мне, что здесь опасно оставаться, что он уезжает в Булонь и возлагает на меня обязанность доставить в Париж прикомандированных к английской армии французских журналистов. Он добавил, что, к своему величайшему сожалению, не имеет в своем распоряжении транспортных средств. Легче было отдать, чем выполнить этот приказ. Немцы приближались, и тысячи беженцев осаждали вокзал. Единственный поезд на Париж был страшно переполнен. Не было никакой надежды найти место в пассажирском вагоне, где в каждом отделении сидело и стояло по двадцать человек. В конце концов один изобретательный военный разрешил нам забраться в багажный вагон, в котором должна была быть доставлена наличность вокзальной кассы и некоторых филиалов Французского банка. Так мы вернулись в Париж, стоя между ящиками, наполненными деньгами, и преследуемые германскими летчиками. Езда продолжалась пятнадцать часов; в нормальное время она требовала меньше двух часов. На каждой станции нам навстречу бросались новые волны беженцев. Мои журналисты привлекали внимание своей формой, которая не походила на обычную армейскую. Я слышал, как перешептывались: «Парашютисты...»

Наш поезд двигался очень медленно. Германские самолеты, летевшие над нами, пытались разрушить полотно. Когда я увидел страшный поток нужды по всей линии от Амьена до Крейля, я понял, что это катастрофа, которой не остановить...»

Советский ВЫБОРГ

Текст П. Майского
Фото А. Бродского

Они незабываемы, эти дни, для тех, кто вошел с первыми колоннами наших частей в заснеженный, почерневший от дыма пожарищ Выборг.

Дома глядели пустыми глазницами окон, зияющими пропастями этажей. Электричество, водопровод, связь — все было разрушено, разграблено дотла. Не осталось ни чертежей, ни схем расположения основных артерий городского хозяйства. Люди рылись в снегу, в промерзшей земле, отыскивая наощупь линию кабеля или водопроводной сети.

С первым же поездом из Ленинграда сюда приехали строители, техники, инженеры, стекольщики, повара, связисты... Чужие, незнакомые люди, они роднились еще в вагонах, увлеченные общей мыслью — дать городу жизнь и радость нового, советского бытия.

← Бойцы и командиры Красной Армии, как старожилы, знакомили вновь прибывших с городом и показывали им места будущей работы.

→ Ленинградские работницы прибыли на табачную фабрику. Но прежде чем войти в нее, пришлось разобрать баррикаду. Разбитые станки и машины валялись в выгоревших цехах. Силой стахановского коллектива вскоре были выпущены первые пачки папирос и табака с фабричной маркой «Выборг».

Мастера московского завода «Стеол» и ленинградские инженеры пустили в ход выборгский мыловаренный и свечной заводы.

Эпроновцы подняли со дна моря затопленные суда. Выборгское пароходство установило регулярные рейсы. Ожил торговый порт.

↑ В сентябре широко открылись двери семи школ: две с лишним тысячи выборгской детворы приступили к занятиям.

Бойцы Красной Армии часто устраивают экскурсии в старинную Выборгскую крепость.

Вечерами город залит светом, бойко работают три кинотеатра, в Доме Красной Армии концертируют лучшие артистические силы. Открылся клуб рабочих-строителей.

Город, возродившийся буквально из пепла, поднялся на уровень передового, культурного центра молодой союзной республики.

А. Пальчунов

ВОЗДУШНЫЕ МИНОНОСЦЫ

В лунную ноябрьскую ночь прошлого года английские дозорные корабли, патрулировавшие в Северном море, услышали шум авиомотора. С подлунной стороны на небольшой высоте шел самолет, и, хотя лунные блики на воде затрудняли наблюдение, дозорные заметили, как самолет, сделав круг, сбросил из-под поплавков что-то черное, напоминавшее фигуру человека.

В следующий момент раскрывшийся парашют плавно опустился на поверхность воды и гидросамолет, взяв курс на восток, растворился в ночи. Были спущены шлюпки и тщательно обыскан район. Англичане нашли плавающий парашют оригинальной конструкции. И больше ничего. Устройство парашюта не оставляло сомнения, что спущен на нем был не человек, а нечто значительно более тяжелое и объемистое. На другой день специальная команда обнаружила и подняла на поверхность неизвестный доселе снаряд, по форме напоминавший большую авиобомбу. В течение 3 месяцев английские минные специалисты изучали находку, и только после этого военными властями было опубликовано сообщение о применении немцами магнитных мин, сбрасываемых с самолетов на парашютах.

Германское изобретение автоматически действующей магнитной мины застало Англию врасплох. За полгода эти мины причинили больше потерь чем торпедные атаки надводных и подводных судов.

И только после этого случая в Северном море англичане наладили розыск и уничтожение этого нового грозного оружия, пускавшего ко дну корабли, даже не дотрагивавшиеся своим днищем к сторожившей их под водой мине.

А случаи следовали один за другим: то летающая лодка немцев потерпит аварию в море, и ее подберут англичане вместе с грузом магнитных мин, то в свежую погоду выбросит на берег сверкающее черным лаком чудовище, то водолазы обнаружат мину в фарватере или на дне канала.

И, как бывает на войне, скоро тайное оказалось разгаданным, яд получил противоядие.

Глубоководная магнитная мина. Слева — устройство глубоководной магнитной мины. 1. Корпус мины. 2. Приборы, регулирующие действие мины. 3. Заряд взрывчатого вещества. 4. Баллон с воздухом. 5. Воздушные клапаны. 6. Камера для воды. 7. Входные и выходные отверстия для воды. 8. Хвостовое оперение мины. Справа — схема действия глубоководной магнитной мины.

★

Немцы изобрели, своевременно испытали и применили на войне магнитные мины двух видов, но обладающие одним и тем же свойством: взрываться автоматически, без столкновения корабля с ними, а только при приближении металлической массы корпуса корабля.

Один тип магнитной мины, используемой на мелководье: в устьях рек, вблизи берегов, на мелях, — именуемый неподвижной, или стационарной, миной, устроен так.

В хвосте мины имеется парашют, плавно опускающий «сигару» весом в 533 килограмма, 2½ метра длиной. При ударе об воду парашют отделяется — и мина тонет. Когда она ляжет на дно, автоматически выключается предохранитель и мина готова к взрыву. Такая «донная сигара», сбрасываемая с самолета с любой высоты, снаряжена 300 килограммов сильнодействующего взрывчатого вещества. В мине имеется приспособление, всегда удерживающее ее на дне в строго горизонтальном положении. Магнитное устройство взрывает мину тогда, когда корабль проходит над нею.

Еще интереснее, остроумнее изобретение глубоководной магнитной мины. Она не имеет парашюта, ее сбрасывают с высоты, не превышающей 60 метров, иначе она повредится при ударе об воду. Мина эта может быть сброшена на очень глубокое место, и все равно приблизившийся корабль будет пущен ею ко дну.

Магнитная глубоководная мина действует так же автоматически, без столкновения с кораблем. Когда она отделяется от самолета, она падает, как авиобомба, так как имеет хвостовое оперение. Корпус такой мины имеет 3 отсека, в которых расположены магнитные и предохранительные приборы, в средней части — детонаторы и 200 килограммов сильного взрывчатого вещества и в хвостовой части — воздушный баллон и пустая камера, нечто вроде «балластной цистерны».

При погружении в воду мина, еще до того, как села на дно, уже готова к взрыву: специальные предохранители освобождают ударник. А мина, набрав воду в «балластную цистерну», тонет и, достигнув дна, своей хвостовой частью засасывается в ил и так, в вертикальном положении, находится до тех пор, пока корабль не приблизится к тому месту, где она утонула.

Приближение металлической массы корабля действует на специальную магнитную стрелку, которая, отклонившись к вертикали на 65°, приводит в действие приборы всплытия. Сжатый воздух, находящийся в особом баллоне в хвостовой части, вытесняет воду, проникшую в корпус мины при ее погружении, и она получает плавучесть.

Взрывается мина только тогда, когда всплывает до глубины 12—15 метров. И взрыв 200 килограммов взрывчатого вещества прямо под днищем корабля несет разрушение и смерть.

★

Создание магнитных мин породило в нынешней войне новый тип самолета — миноносец.

Новые формы, условия и характер войны на Западе сделали как магнитную мину, так и самолет-миноносец очень выгодным, эффективным оружием борьбы на море.

Возможность быстро, внезапно минировать поле по курсу следования группы кораблей или же сбросить мины (с быстро появившегося и так же быстро улетевшего самолета-миноносца) в военной гавани, защищенной противоторпедными и противолодочными сетями, сулит большие выгоды нападающему.

Немцы в нынешней войне использовали миноносную авиацию для расстановки магнитных мин в районах плавания английских кораблей, на фарватерах у английского побережья. Минная блокада немцами английских баз и англичанами районов действия немецких кораблей у берегов Германии, Голландии, Норвегии осуществлялась при помощи самолетов-миноносцев.

Расстановкой магнитных мин на Западе решаются и такие задачи, как создание оборонительных рубежей против подводных лодок, к их числу относятся английские заграждения в Английском канале, германские и датские заграждения в проливах Бельт и Зунд. Англичане блокировали французский флот в Оране при помощи самолетов-миноносцев; минирование района от Оркнейских островов до Гренландии осуществлено англичанами также с помощью самолетов-миноносцев.

☆

Пять месяцев магнитные мины немцев взрывали и топили английские корабли, и только весной этого года англичане отыскали средство борьбы с этим новым грозным оружием.

В исследовательской лаборатории минно-торпедного училища в Портсмуте было изобретено два способа борьбы с магнитными минами.

Первый способ позволяет кораблю проходить над миной, не вызывая взрыва. Этот способ основан на принципе «дегаусизации», то есть «размагничивании», корпуса корабля. Для этого вокруг него, на уровне верхней палубы, протягивают пояс из проводов, через которые пропускают электрический ток. Ток нейтрализует магнитное поле корабля, и магнитное устройство мины перестает действовать. Такой противоминный пояс был установлен на английском океанском пароходе-гиганте «Куин Элизбет» и позволил ему благополучно совершить переход из Англии в Нью-Йорк.

Другим видом борьбы с магнитными минами является оборудование кораблей проволочным кабелем в носовой части корпуса. По кабелю идет мощный ток, который действует на магнитную систему мины, заставляя последнюю взрываться еще тогда, когда корабль находится на безопасном удалении от нее.

В Англии же применяют «аппараты Госсинга», действующие аналогично устройству на «Куин Элизбет», то есть «размагничивающие» корабль.

Совсем недавно в Румынии изобрели устройство, уничтожающее магнитные мины на расстоянии 25 метров. Это плот с электрогенератором и мощным электромагнитом. Плот должен идти впереди судна.

Имеются сведения о «морском варианте» немецкого прибора «MS-39», являющегося искателем мин, заложенных в земле. Если эти сведения соответствуют действительности, то это значит, что средства борьбы с магнитными минами появились почти одновременно с этими минами.

После того как стали известны детали магнитных мин, «притягивающихся» к кораблю, вполне реальным и правдоподобным можно считать сообщения заграничной прессы о новых торпедах, которые в конце своего пути «притягиваются» к металлу атакуемого корабля мощным электромагнитом, установленным на носу. Такая торпеда не будет знать промаха и явится грозным оружием против неприятельских кораблей.

«Парашютная» магнитная мина. 1. Рычаги, удерживающие мину в горизонтальном положении. 2. Детонатор. 3. Предохранитель. 4. Взрывчатое вещество. 5 и 6. Механизмы. 7. Коробка парашюта. 8. Парашют. 9. Корпус мины.

Германский самолет-миноносец «He-115» с минами в фюзеляже. Экипаж самолета: 1. Штурман. 2. Летчик. 3. Радист. 4. Стрелок.

Воздушный миноносец в действии. Слева (сверху вниз): самолет сбрасывает «парашютную» магнитную мину. Отлетев от самолета, мина теряет конус и освобождает парашют, который раскрывается, опускает мину на воду и отделяется от мины.
Справа (внизу): момент взрыва магнитной мины под днищем корабля.

А. Фадеев

ПРОЩАНИЕ С ДМИТРИЕМ БОРИСОВЫМ

(Из четвертой части романа «Последний из Удэге»)

I

Всю ночь большой гроб с телом убитого юнкерами Дмитрия Игнатовича стоял в красной горнице дома Борисовых, и всю ночь скобеевский псаломщик и дядя покойного Нестер Борисов — десятский, бывший на два года моложе своего племянника,— поочереди читали над ним псалтырь.

По началу, как привезли тело Дмитрия Игнатовича, всю горницу заполонили голосящие бабы: его жена, сестры, жены братьев и просто соседки. И долго надо всей этой частью села, вдоль реки, стон стоял от складного их голошения. Потом бабы стали уставать и голосили поочереди, а потом горница незаметно опустела. Кроме читающих псалтырь остались только жена покойного да его старшая шестнадцатилетняя черненькая дочка Таня, лицом и повадкой вся в отца.

Все время, пока шло голошение, Таня стояла поодаль и плакала. Она плакала чистыми сладкими девичьими слезами не столько от того, что ей жалко было отца, а по многим и многим неясным, не связанным между собой причинам, таким же легким и чистым, как ее слезы.

Когда все ушли из горницы, мать с видимым облегчением перестала голосить и долго поправляла перед зеркалом сбившиеся набок русые прямые волосы. И вдруг, взглянув на дочь, тихо охнула, обняла ее и заплакала тоненько, тоненько, как дитя. Она плакала от того, что ее бабья жизнь кончилась, и она была навсегда обречена трудиться на эту большую чужую семью, и некому уже было заступиться за нее перед свекром, свекровью, сыновьями, а дочь должна была выйти замуж и навсегда уйти от нее.

И дочь поняла ее. Некоторое время они плакали вместе, упав на крашеную лавку, обнявшись, как подружки.

Потом дочь уснула, положив голову матери на колени, а мать еще долго сидела и думала о своем горьком положении.

В это же время во дворе, на старых бревнах, которые начали свозить до войны, чтобы расширить избу, на этих старых бревнах, проросших и обомшевших, сидели Егорушка и его старший женатый брат Павел, не любимый отцом, больше похожий на мать, русый.

Ввечеру, когда дом еще был полон соболезнующих, здесь, на бревнах, сидели и перекуривали мужики. И Егорушка сотню раз рассказывал, как был ранен отец, как упал лицом вперед, и прижимал рукой рану, и как «хлобыстала кровь», а он все хотел подняться, а потом сказал Егорушке: «Ну, беги, сынок»,— и Егорушка побежал.

Теперь все уже разошлись, Егорушке некому было рассказывать, да он и устал, хотя и не рассказал чего-то самого главного. Но ему было страшно лезть на сеновал, где он спал один, и он остался сидеть на бревнах наедине с нелюбимым братом.

Ночь была светлая, бревна, облитые светом звезд, еще хранили дневное тепло. Река шумела за вербами на задах, и слышно было, как паром брунжит катком и лошади переступают на пароме.

Павел сидел, напряженно подняв светлые брови, и все вертел и курил цыгарки, а в промежутках, как клещами, обкусывал железные ногти на больших пальцах. То, о чем думал Павел, было самым насущным делом его жизни, и в этом деле Егорушка, человек несерьезный, не мог быть советчиком брату. Если бы отец был жив, они вместе отделились бы от деда, а потом отец с охотой выделил бы его, Павла, и, конечно, с землей, и дал бы что-нибудь на обзаведение, потому что отец, хотя и не любил его, но был человек справедливый, понимал, что Павел — старший сын, наследник. А теперь он или должен жить на положении дедова батрака или уйти из дому голым, но у него уже был ребенок, и жена вот-вот должна была родить.

Так и сидели они молча на бревнах, среди звездной ночи, светлый Павел и черненький Егорушка, два братца, пока не вышел из избы просвежиться после покойника Нестер Борисов. Невысокий, широкоплечий, с курчавой, овсяного цвета бородой и ясными синими глазами, он был так ладен и крепок, ничто не могло сломить его — ни покойник, ни псалтырь. Он подошел к братьям и сразу все понял.

— Иди, иди, спи,— сказал он Егорушке,— домовых там нету... Понял? То-то, братец ты мой, соколик...

А когда Егорушка ушел, он подсел к Павлу на бревна и, дружески обняв его и притянув к себе, сказал:

— Не грусти, мужик, не грусти! Эх!.. Отца жаль — это так: чудесный был человек, а там... ху-у!..— он высоко замахнулся рукой в полотняном рукаве и махнул ею от всего сердца.— Не те времена, братец ты мой, соколик,— найдется тебе путя-дорога...

— Голяком? — вдруг злобно сказал Павел.

— Ху-у... На тебе! — и Нестер вдруг засмеялся.— В голяках вся сила. Кто был ничем, тот станет всем,— важно сказал он.— Ты вон о ней подумай, сходи да утешь,— он указал на освещенный звездным светом амбар, где спала взаперти, чтобы не вышла к покойнику да не случилось с ней чего, беременная жена Павла.— Ей-то, как бабе, во как страшно! Иди, иди, братец ты мой...— Нестер Васильевич вдруг потянул носом и, выпустив Павла из-под руки, с удовольствием сказал:— Богульник зацвел,— скажи, пожалуйста!..

И они разошлись. Кругом стало тихо. Только река все трудилась за вербами, да на реке трудился паром, да из дома доносилось бормотанье читавших псалтырь — то очень заунывное, когда читал псаломщик, то полное жизнерадостного смысла, когда читал Нестер Васильевич.

II

Пока в доме были чужие люди, бабка Марья Фроловна так же уверенно и споро, как всегда, вела этот большой, похожий на улей дом: принимала и провожала гостей, справила все по хозяйству, успела сходить к священнику — договориться о завтрашних похоронах — и справила все к похоронам. Могучая, сухая телом, резкая, она то появлялась у гроба, где голосили бабы, то подносила стакан самогона какому-нибудь лядащему деду — седьмой воде на киселе,— то порывисто шла через двор по хозяйству, размашисто ступая в своих длинных, остроносых ичигах, вызывая во всех уважение и страх.

А когда все угомонились в доме, она вошла в красную горницу, где раздавалось теперь только чтение псалтыря, и, подставив табурет, уселась у сына в ногах, выложив на колени красивые, как у мужика сильные руки.

Нестер Борисов, приходившийся ей деверем и очень ей нравившийся в ту пору, когда Марья Фроловна подвалила уже к сорока и готова была на все, а он был еще неженатый ловкий и веселый парень (у них ничего не вышло только потому, что Нестер досмерти боялся Игната Васильевича),— Нестер Борисов и псаломщик менялись, читая псалтырь, а Марья Фроловна так и сидела до утра, выложив руки на колени, глядя в лицо сыну. Трудно было понять, о чем она думала: никто в селе, даже Игнат Васильевич, проживший с ней всю жизнь, не знал, о чем думает Марья Фроловна.

С раннего утра на просторный двор Борисовых начал собираться народ. Двери в избу и во все горницы были распахнуты и пол посыпан пахучей травой, как в троицу, чтобы не затоптали крашеных полов.

Близкая родня и друзья Дмитрия Игнатовича и те, кто певал в церковном хоре и теперь хотел напутствовать покойника, заполнили избу. Весь двор уже пестрел разноцветными платками, рубахами. Забор был унизан ребятишками.

И вот показался в воротах старенький скобеевский попик со свертком подмышкой. Народ раздался. Попик, вобрав в плечи ле-

К НОВОЙ ЖИЗНИ

Текст В. Майданика *Фото В. Лялина*

Шахта «17/17-бис» имени Папанинцев в Рутченкове, одна из крупнейших шахт Донбасса,— первенец сталинских пятилеток. На этой первоклассной, полностью механизированной шахте работают вчерашние безработные Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии.

Виктору Мусиюку и Борису Кононюку трудно было найти себе работу в Западной Белоруссии, на территории панской Польши, только потому, что они... белоруссы. Радушно приняты горняцким коллективом, обученные шахтерскому мастерству, они быстро освоили искусство рубки угля и с гордостью носят почетное звание стахановцев. Неизменно перевыполняя нормы, тов. Мусиюк (вверху слева) зарабатывает до тысячи рублей в месяц. Заработок тов. Кононюка составляет 1200—1400 рублей.

Кадровые горняки шахты «17/17-бис» с отеческой заботой относятся к обучению и воспитанию новых членов горняцкого коллектива. Старый забойщик, бригадир-коммунист тов. Пиндюрин, 15 лет работающий на шахтах Донбасса, рассказывает членам своей бригады — бессарабцам и украинцам — о социалистическом соревновании рудокопов Криворожского бассейна с донецкими шахтерами.

Слева направо: тов. Пиндюрин, бессарабец Пислар, украинец Кравченя, бессарабец Виера и горняки, обучающие их, тт. Клименко и Поперечный.

скую головку, почти побежал по расчищенной перед ним дорожке, но во дворе оказалось множество старух, охочих приложиться к руке, и он, совершенно перепуганный тем, что живет в такое время, да еще этим множеством народа и вниманием, обращенным на него, стал на ходу быстро-быстро совать маленькую ручку туда и сюда. На мгновение его притиснули на крыльце, но он рванулся ввысь, как жаворонок, и исчез в избе.

Народ сомкнулся и опять расхлынул: стоящие у крыльца видели, как дальние снимали фуражки и весело здоровались. Снова до самого крыльца образовалась дорожка, и все увидели, что на панихиду пришел ревком во главе с Владимиром Григорьевичем и телеграфистом Карпенко.

Владимир Григорьевич, чуть приволакивая подбитую ревматизмом ногу, преувеличенно кланялся, по-совиному глядя на всех, никого не узнавая, а Карпенко в форменной фуражке почтово-телеграфного ведомства, худой и длинношеий, с большими оттопыренными ушами, похожими на крылья бабочки, только козырял, но был изрядно смущен.

Мужики, верившие в бога, знали, что если бы эти люди тоже верили в бога, они не могли бы до конца идти против закона, царя, господ, чиновников. И именно таким людям можно было доверить первенство и старшинство в таком отчаянном деле, как восстание против Колчака и японского императора. Но то, что эти люди, не веря в бога, пришли на панихиду по Дмитрию Игнатовичу, то есть оказали уважение всем мужикам, повышало уважение мужиков к ним, и мужики особенно приветливо здоровались с членами ревкома, смущенно проходившими по образовавшемуся перед ними коридору.

Мужики не знали, что, перед тем как придти сюда, ревком обсуждал вопрос, идти или нет. И большинство высказалось за то, чтобы идти, а против высказалась Ванда — та самая женщина в штанах и сапогах, которая так позабавила Алешу. Ее соратник по партии левых эсеров тоже считал, что нужно бы пойти, но, не будучи Ванде ни мужем, ни подчиненным, он очень боялся ее, боялся, что она обвинит его в неморальном для революционера поведении. Поэтому он против своей совести поддержал ее. И они двое не пошли, а все остальные пошли.

Кто-то успел предупредить Марью Фроловну. Она вышла на крыльцо, увидела Владимира Григорьевича, подымавшегося по ступенькам, обняла его голову своими сильными руками, быстро прижала ее к своему плечу, потом поцеловала в лоб и сказала:

— Спасибо, голубчик... Всем рада, а тебе-ты знаешь сам...

Владимир Григорьевич, издав горлом мужественный и жалкий звук, неловким движением схватил ее большую, в темных жилах руку и поцеловал.

— Проходите, милые, — говорила Марья Фроловна, низко кланяясь членам ревкома.

Толпа нахлынула на крыльцо. Началась панихида.

Когда могучее тело Дмитрия Игнатовича несли к церкви, за ним шло уже с полсела. День выдался ясный, и, как еще ночью угадал Нестер Васильевич, по всему отрогу, точно нарочно, чтобы проводить в последний путь Дмитрия Игнатовича, зацвел богульник — таким синим-синим цветом, что от неба да от богульника все вокруг стало голубым и синим. В обычные звуки большого села вплетался слитный шорох сотен шагов, и река все трудилась за вербами, и неутомимый паром все брунжал своим катком, как бы напоминая людям, что они живут в тревожное, трудное время.

Сразу за гробом шли женщины, родные покойного с детьми и не родные — из тех женщин, что при жизни человека их и не видно, а после его смерти голосят и суетятся так, точно они-то и были самые близкие и знали от покойного такое, чего никто не знал.

За ними шли члены ревкома и родственники, кумовья, товарищи. В этой группе все вспоминали, что покойный Дмитрий Игнатович был хороший человек, спокойный, бесстрашный, один ходил на медведя, на тигра. А однажды мужики, поссорившись на покосе, почали рубить друг друга косами, а он с пустыми руками вскочил в самую середину, и все опустили косы: никто не отважился рубить борисова первача.

СТАЛИНИР

Текст и фото Э. Шмерлинга

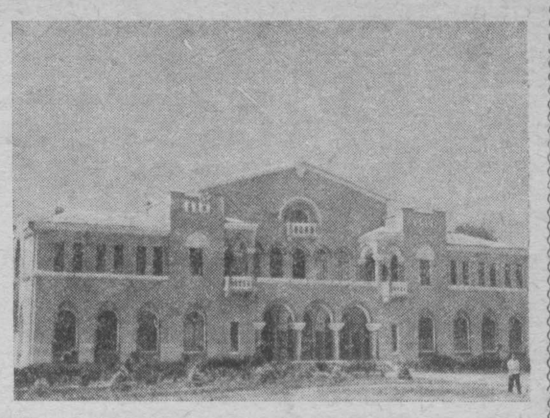
Недавно Советская Юго-Осетия отпраздновала свое двадцатилетие. Благодаря постоянной заботе великого Сталина и помощи грузинского народа Юго-Осетия превратилась в цветущий край.

За хорошие показатели 1940 года 36 колхозов и 74 передовика сельского хозяйства Юго-Осетии получили право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В Юго-Осетии сейчас 280 начальных школ, 47 неполных средних и 29 средних, 3 техникума, педагогический институт, институт литературы и языка, клубы, избы-читальни, Дворец культуры, краеведческий музей.

В этом году в Юго-Осетии вступают в строй тальковый завод и завод по разработке мрамора. Закончены промышленные разведки месторождения цинка и свинца, выявлены месторождения нефти, полезных ископаемых: каменного угля, мышьяка, барита, марганца, вольфрама.

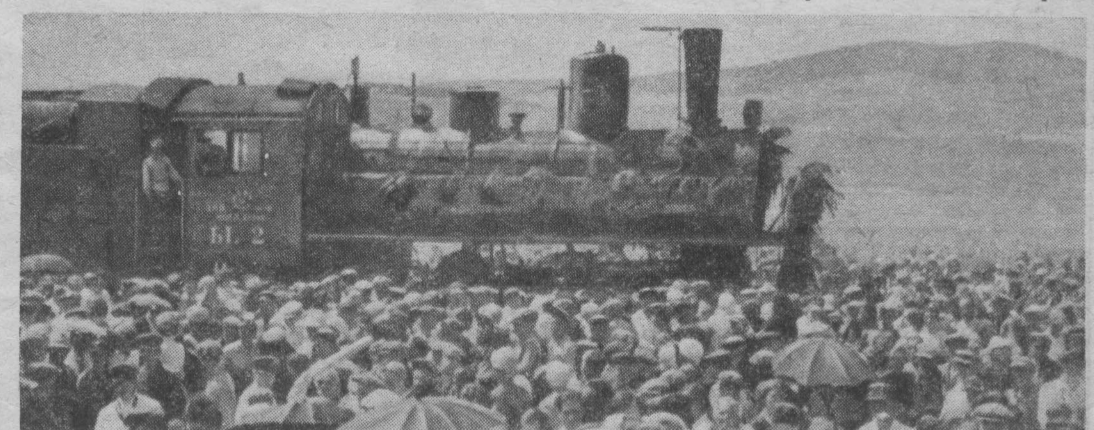
Некогда захудалое местечко Юго-Осетии, Цхинвали превратилось в благоустроенный социалистический город Сталинир. Новые дома, гостиница, парк культуры и отдыха, Дом общественных организаций, Дворец культуры, асфальтированные и озелененные улицы украшают этот город.

Дворец культуры в Сталинире.

Дом общественных организаций в Сталинире.

Население радостно приветствует первый поезд.

Недавно открыта новая железнодорожная ветка Гори — Сталинир. Эта железная дорога, инициатором строительства которой является тов. Л. Берия, выстроена силами трудящихся Юго-Осетии, воодушевленных опытом строителей Большого Ферганского канала. Железная дорога связывает Сталинир с родиной великого Сталина — Гори — и со столицей Грузинской ССР — Тбилиси.

Один из провожающих даже намекнул, что Дмитрий Игнатов был-де более ладный мужик, чем, скажем, его отец, но тут все так посмотрели на него, что он вдруг заперхал, спутался в шаге и залопотал что-то вроде: «Я ведь чего хотел сказать, я хотел сказать, что Игнат-то Васильев дюже горяч, а этот-то, Дмитрий-то Игнатов...» Но тут все отвернулись от него...

Эта огромная пестрая, празднично разодетая масса народа, идущая за гробом отца, и все эти разговоры по-разному отзывались в сыновьях.

Егорушка, капризней которого на селе был разве только Семен Казанок, вдруг весь размяк, и даже черный и дерзкий, с косиной, глаз его стал не тот, не егорушкин глаз. А Павлу все это внушало уважение к покойному отцу и вновь и вновь напоминало о том, что он все потерял со смертью отца, и обидно было, что отец при жизни не ценил его, Павла.

Когда похоронная процессия подошла к белой каменной церкви, там ждала не меньшая толпа, набравшаяся с этого края села под отрогом.

Гроб внесли в церковь, и поставили в боковой притвор на время обедни, и только к отпеванию вынесли на середину церкви.

Но вот пропел и последний хор. Старый попик опустился на колени и прочел разрешительную молитву. В молитве говорилось о том, что если человек связал себя грехами, но обо всех их сердцем сокрушенным покаялся, от всех вин и уз будет он разрешен, а если по телесной немощи своей что предаст забвению, и это все будет прощено ему человеколюбия ради.

Слова эти, никак не подходившие к жизни людей, очень подошли к покойному Дмитрию Игнатовичу. Женщины заплакали.

На кладбище справили еще одну панихиду и Владимир Григорьевич сказал речь, потом богатырский гроб с телом Дмитрия Игнатовича опустили в могилу, и долго еще вокруг могилы стояло коловращение людей: каждый хотел бросить горсть земли на гроб сына Борисова.

В тот же день, оставив весь дом на одних женщин, Павел записался в отряд на место отца. Вместе с ним записалось еще около ста мужиков и парней...

Л. Назимов

ПЕРЕКОП

(К 20-летию героического штурма)

События осени 1920 года были суровым, решающим испытанием для Советской страны.

Только что закончилась борьба с белой Польшей. Голод, лишения, разруха во всех областях хозяйственной жизни, казалось, обессилили страну. Именно в эти трудные дни отборные белогвардейские части, заклятые враги трудового народа, собрались в Крыму под знаменем барона Врангеля. Империалистические правительства Англии и Франции вооружили белую армию. Иностранные военные инженеры возвели по последнему слову техники того времени перекопские укрепления.

Еще 11 июля 1920 года товарищ Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» сказал:

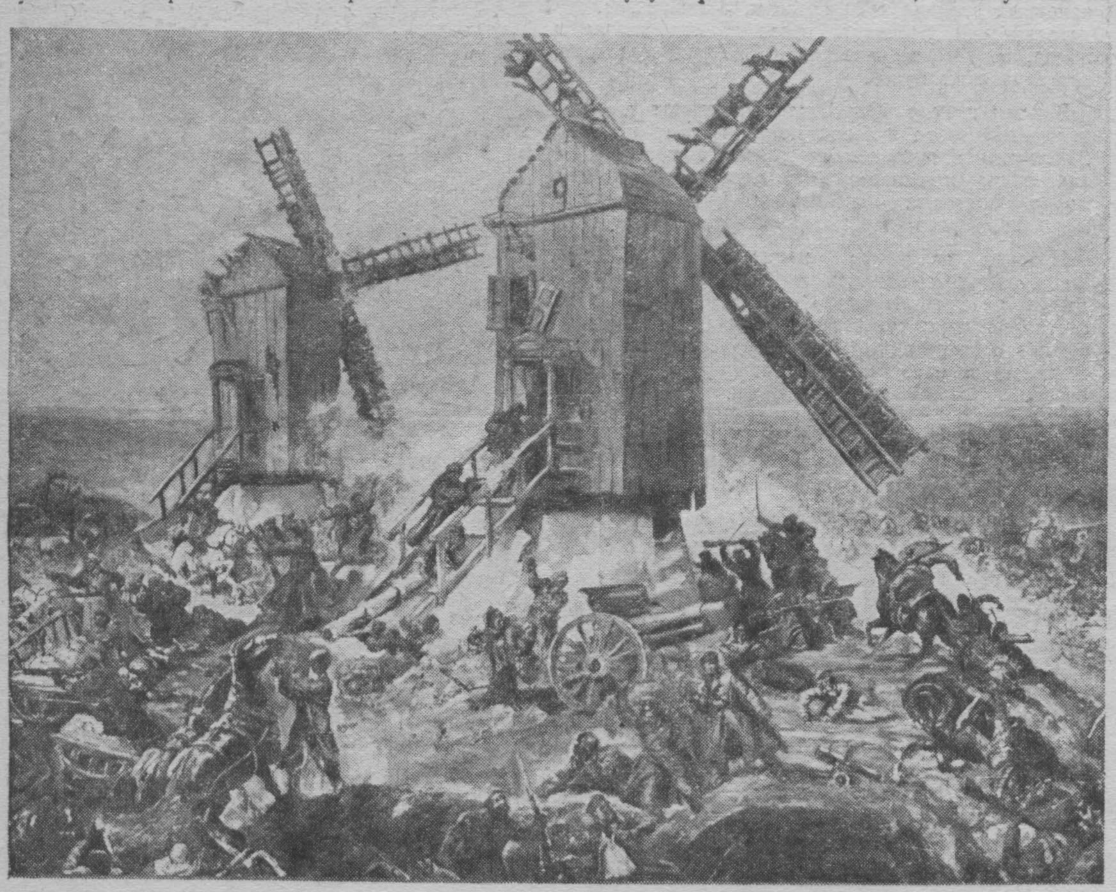
«...Пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными... Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!»

План товарища Сталина состоял в том, чтобы сбить врангелевцев с мелитопольских позиций и отрезать им путь на Перекоп. 21 сентября врангелевский фронт был выделен как самостоятельный южный фронт. Центральный Комитет партии возложил важнейшую задачу разгрома Врангеля на испытанного полководца-большевика М. В. Фрунзе, который был назначен командующим южным фронтом.

14 октября 2-й корпус Врангеля без успеха атакует Каховский плацдарм. 28 октября начинается ответное наступление наших армий южного фронта. Легендарная Первая Конная армия под командованием К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного переправляется через Днепр и наступает одной группой на Айгаман—Серагозы, другая группа Первой Конной занимает Сальково—Геническ—Рождественское.

31 октября главные силы Врангеля — ударная группа,— быстро отходя к югу, подошли к селу Отрада, где находилась Особая кавбригада и полевой штаб Первой Конной. Обойдя правый фланг кавбригады, белые прорвались в село. Товарищи Ворошилов и Буденный с одним только штабным эскадроном атаковали конницу белых, затем, соединившись с частями Особой кавбригады, выдержали яростные атаки превосходящих сил противника. 1 ноября началось ожесточенное сражение между главными силами врангелевцев и Первой Конной, закончившееся блестящей победой наших войск.

Когда по инициативе К. Е. Ворошилова художники приступили к выполнению грандиозной панорамы «Штурм Перекопа», было признано необходимым запечатлеть один из решающих этапов разгрома врангелевцев у села Отрада.

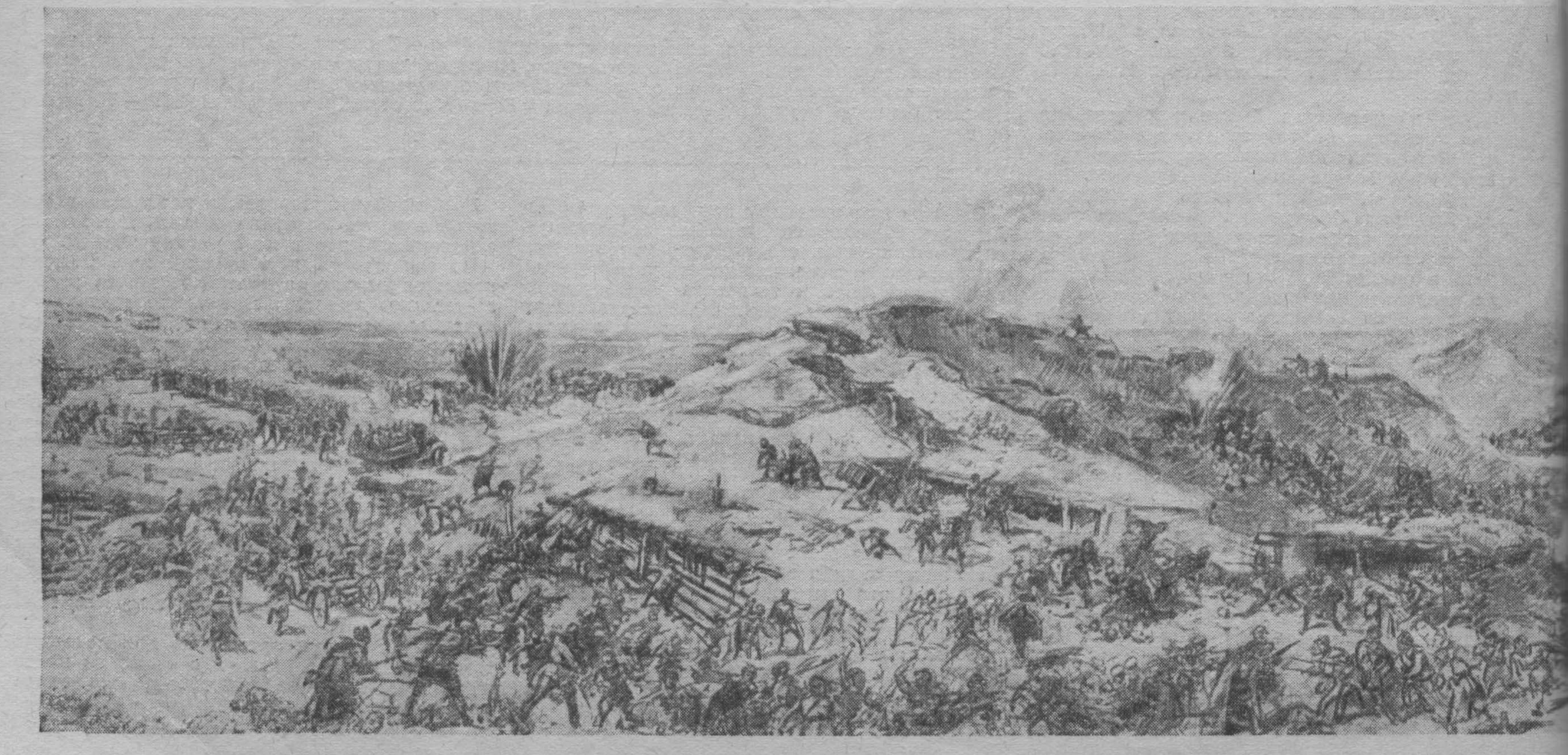
←

Художники запечатлели это сражение в диораме «Бой в селе Отрада».

Перед нами эпизод боя у ветряных мельниц. Конница белых разгромлена. Отборная, дроздовская дивизия белых не может выдержать сокрушающей все на своем пути атаки бойцов Первой Конной.

Дроздовцы еще пытаются удержаться у мельниц. Офицеры не сдаются и гибнут с оружием в руках. Они убивают на месте тех солдат, которые, понимая безнадежность положения, пытаются бежать или сдаться.

Но исход боя ясен. Белые разбиты и бегут на юг под защиту перекопских укреплений: там будет «захлопнута калитка» и там — они верят — остановится Красная Армия.

Накануне решающего перекопского боя В. И. Ленин писал Фрунзе:

«Помните, что надо, во что бы то ни стало, на плечах противника войти в Крым... Проверьте, изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма».

План Фрунзе состоял в том, чтобы форсировать так называемое «Гнилое море»—болото Сиваш,— захватить Литовский полуостров и выйти в тыл Турецкому валу—главному укреплению Перекопского перешейка.

В ночь с 7 на 8 ноября началась атака через Сиваш. Нужно было пройти десять километров по болоту, испещренному глубокими ямами, наполненными водой, под жестоким артиллерийским и пулеметным огнем противника. Внезапно изменился ветер и погнал воду в Сиваш. Нашим дивизиям, достигшим Литовского полуострова, угрожала опасность быть отрезанными. Население под руководством наших саперов начало строить дамбу.

Эти моменты запечатлены в диораме «Переход через Сиваш».

→

М. В. Фрунзе отдает приказ немедленно атаковать Турецкий вал, защищенный густыми сетями колючей проволоки, рвом глубиной в 15—20 метров. Турецкий вал имел высоту местами до 15 метров, здесь были пулеметные гнезда, лисьи норы, дальнобойные морские и крепостные орудия. Этот вал защищал во всю длину Перекопский перешеек.

Художники запечатлели штурм Турецкого вала, грозные его укрепления в решающие мгновения стремительной атаки нашими частями. Белые оказывают яростное сопротивление. Но сквозь проволоку уже пробились цепи атакующих. Мысль о том, что на Литовском полуострове могут быть отрезаны товарищи, удесятерила силы бойцов. «Линия барона Врангеля» прорвана, врангелевцы отходят на последнюю линию укрепления — к Юшунским озерам.

Последний эпизод — разгром врангелевцев у юшунских позиций.

По плану М. В. Фрунзе, третий удар был нанесен у Чонгарского моста. Таким образом, части, прорвавшиеся в Крым у Чонгара, выходили в тыл юшунским позициям белых.

Бойцы, захватившие Турецкий вал, измученные голодом, жаждой, истомленные кровопролитным штурмом, нашли в себе достаточно сил, чтобы добить белых у юшунских позиций. Эпизод диорамы «Разгром Врангеля у Юшунских позиций» изображает тот момент, когда участь врангелевцев решена. В штабе получено донесение о полном отступлении белых.

Последний заслон врангелевской белогвардейщины сломлен.

Крым стал советским.

↓

Иван Новиков

Рассказ о прохожем

Рисунок худ. В. Урина

С Никитою Петровичем Лаврушиным так случалось нередко: ждут его в гости к восьми, но хорошо, если в одиннадцать постучит либо в окно либо в дверь; звонков он решительно не признавал — привычка с детских лет: вырос в Мценске, где колокольчик на весь город был только в аптеке. К себе кого-нибудь вызовет — и к себе опоздает. «Счастливые часов не наблюдают». Но вряд ли Никиту Петровича кто-нибудь назвал бы особенно счастливым; «задумчивый он человек», — так про него говорили; и это, конечно, хорошее было определение, верное, и постоянные его запаздывания объясняло.

Так было и в этот раз. Я уже перестал его ждать. Нужный Никите Петровичу человек, с которым необходимо было его свести, познакомить, раз пfive, загибая манжету, глядел на свои часики, а в шестой раз не стал и глядеть — удалился.

Осталось нас четверо: я да жена, да восемнадцатилетняя наша дочка Наташа, да подруга ее, поступившая осенью в школу при театре Вахтангова; у Оленьки, артисточки этой, в нашем кругу было довольно странное прозвище: **Оленька-Таракан**, — для молодой хорошенькой девушки, не правда ли, довольно-таки неожиданное? А объяснялось оно между тем весьма просто, и не тем, что сама она была черненькая, а вот на левой руке, на запястье, было у нее крупное родимое пятно, очень напоминавшее таракана. Вероятно, девчонкой это сильно ее тревожило, но теперь к отметине своей она не только привыкла и на прозвище ничуть не обижалась, но, может быть, даже уже понимала, как причудливо и интересно пятнышко это — вроде браслета — выделяет ее между подругами. Впрочем, сегодня рукава были длинные и «браслета» не видно.

Девочки живо болтали, вовлекая и нас в круг своих интересов. Оленьке задано найти и разучить какую-нибудь сцену; сцена должна быть лирическая; как будто бы просто? Однако же мы называли и то и другое, но она решительно все отвергала: то «не та линия», то «не в том разрезе». Жена моя несколько даже на нее рассердилась, не за ее разборчивость в выборе, а вот за эти самые «линии» и «разрезы».

— Разве не слышишь ты, Оля, как грубо некстати, как протокольски звучат эти слова? Какая уж тут лирика!

Девушка с удивлением на нее поглядела и заговорила опять о своем. Но вскоре же себя прервала, как-то взмахнула руками, развела и свела их и уже с другим удивлением — на самое себя — призналась, что правда.

— А правда, как же это нехорошо! Как я сама не почувствовала!.. Значит, беда, значит, во мне лирики нет, значит, и сцену не надо искать, значит, я не актриса!

Тут мы все уже рассмеялись, а Наташа сказала:

— Нет, ты актриса. Только, видишь, комическая!

Среди такой болтовни и раздался, наконец-то, дробный, характерный стук в оконную раму.

Еще в передней пожурил я Никиту Петровича за опоздание:

— Ты знаешь, я говорил, Н. Н. — человек деловой, занятой, ждал-ждал тебя и не дождался. И ты знаешь, что особого удовольствия принимать его у себя я не испытываю. Для тебя и позвал, а ты не пришел. Вот теперь и сиди со своим переводом!

— Ну, что же, и посижу, — кротко промолвил Никита Петрович. — Я к тебе было вовремя вышел, да на бульваре, знаешь, присел у пруда. Деревья и почки набухли, вода наполовину еще подо льдом — и, подумай, ручей! В городе, да... настоящий ручей!

Я махнул рукою: неисправим! И, однако же: ну, хорошо, задумчивость пусть объясняет его запоздания, а самую задумчивость эту чем объяснить?

Про Никиту Петровича никто ничего толком не знал. Переводы свои: с персидского, китайского, монгольского — он делал отлично, хотя и страшно медлительно. Жил кое-как. Был «органически холост», как про него говорили люди с язычком, на женщин поглядывал, как на полянку в лесу. Я спросил у одной очень милой особы, которой Никита Петрович наш явно и сильно, по-настоящему нравился, отчего бы ей не выйти за него замуж. Она отвечала:

— Да разве можно выйти замуж за воздух?

Но это неправда: Никита Петрович разве что несколько был чудаковат, но отнюдь не был «воздухом».

Вот в этот вечер как был он мил! Да и с девчатами как разболтался! И говорил дельные вещи.

— Что значит лирическое? — спрашивал он. — Лирическим должен быть сам человек, тогда всякая сцена станет лирической, а без этого и самую гибкую ветку под солнцем назовешь древесиной.

Оленька-Таракан на него изредка взглядывала и не без интереса: наслышана о нем была, но видела в первый раз. Я знаю ее уже несколько лет. Мать ее овдовела, когда девочке было всего год — полтора. Жила она где-то на юге, одна, а Оленька с самого школьного возраста пребывала у тетки, в Москве. Да и у нас она давно как своя. Я про себя отмечал все перемены их роста — ее и Наташи: это все равно, как посадишь растение и день за днем видишь то самое, что и называется жизнь. И все же, бывало, не уследишь: да когда ж развернулось все это? Или все это внезапности? Накопляется, зреет невидимо, а потом этак вдруг — как прыжок.

Да хотя бы и эти сегодняшние поглядывания Оленьки. Вот уж действительно: «мгновение ока», зарница — и потом, как опустит глаза! Опустит чуточку уж медлительнее, с какою-то, едва уловимою дозой то ли раздумья, то ли... истомы.

О сцене договорились. Никита Петрович назвал — неожиданно — пушкинскую «Барышню-крестьянку».

— Да, да, а что вы думаете? Пусть с хохотком, пусть немного морочит, но вот попробуйте дать и лиризм. Пусть как солнце ложится на куст... ну, шиповника, а листья, цветы и бутоны — ведь утро — в росе!

— О, да вы поэт!

— Я переводчик.

Но Оленька не унималась:

— Я хотела бы, чтобы вы были партнером моим в этой сцене!

— Нет, на эту роль... нет, я не гожусь.

— Ну тогда и я не гожусь! — капризно - кокетливо заявила Оленька.

За чаем дурили, смеялись. Вспоминали рассказы, ходившие про Никиту Петровича: как ему надобно было срочно уехать, и как на сей раз на вокзале он был ровно за четверть часа до отхода поезда... но только не в тот день, как ехать, а на следующий. Говорили и еще покрупней: будто знакомые звали его на свадьбу, а приехал — у молодых только что родились первые близнецы: первым поздравил!

Оленька-Таракан от души потешалась и хохотала. Но как хохотала? Что-то в ней угадал Никита Петрович: в смехе ее, представьте, был этот самый лиризм! И она очень тепло на нашего гостя поглядывала.

Но что страннее всего, я это заметил, и он на нее несколько раз поглядел с необычайною пристальностью; больше того: словно бы даже с какою-то важною для себя заинтересованностью, как если бы только сейчас по-настоящему ее увидал.

И Оленьке пора бы, казалось, уже уходить, но не уходила, и вышло так: чего-то она дожидалась.

Перешли опять ко мне в кабинет. Никита Петрович сел на диван, и она на диван: неузнаваема нынче!

Он вытянул ноги, откинул свою уже чуть посеребренную голову, закрыл глаза, помолчал. Как-то замолкли и все.

— А почему непременно сцену надо искать в литературе? — сказал он внезапно. — Ведь в жизни... да и не в жизни, хотите, я вам сейчас выдумаю?

Мы попросили, но, ясно, и без того рассказал бы.

— Ну представьте себе... — молодым движением он подобрал ноги, обхватил руками колени, выпрямил стан и, чуть покачиваясь, начал рассказывать: — Ну представьте себе именно раннюю весну. Первая бабочка, золотая лимонница, ищет цветов. Но цветов еще нет, летает по лужам. А земля уже теплая — к полудню; можно сидеть. И солнце с утра гуляет в лесу между ветвей. Птицы поют. А по оврагу ручей низвергается маленьким водопадом, и веселая, кудрявая вода бежит и гремит по камням.

Да... Ну и вот — молодежь. К экзаменам, что ли, готовится. Вышли из города по большаку, на лесную поляну, и, представьте, играют-играют точь-вточь, как козлята на первом зеленом лугу. Неизвестно, во что. Смех, беготня... Это самое лучшее, когда неизвестно, во что. Впрочем, кажется, эта игра называется юность. А юность — когда уже будто бы девушки, а всего лишь девчонки — зелененький, кисленький виноград; да и мальчишки подстать: какой-нибудь этакий паренек может, пожалуй, и задымить папироску, но с настоящим азартом гоняет и все еще за лягушками (тут наши девочки фыркнули). Все, конечно, на ты, все звонко, догнав, хлопают друг дружку между лопаток почем зря, и чем звончее шлепок, тем веселей: талая молодая вода.

И вот, допустим, аэроплан. И летит прямо к городу.

— Ой, сядет у нас!

— Поглядите, кружит!

— Ребята, как низко!

И все взгомонились, как птицы, все побежали. А у одной девушки подвернулась нога. Ну, не очень, вы не пугайтесь. Присела, потерла, губки зажала.

Ей машут, и машет она: не пойду! Может, оно и обидно, что не может бежать, а отчасти немножко ведь и приятно: остаться одной. Тишина. И сразу заметила: облака, а то не видала! И как воздух на горизонте колышется сам и легонько вокруг все поколыхивает.

И так сидит и молчит, чуть наклонившись, а солнце ей льется за шею.

А от города, видно, со станции, идет человек. Рюкзак за спиною и кепка в руке, ветерок шевелит его волосы. Идет, приближается; видно: глядит перед собою, а видит ли что? Весь он ушел в какую-то думу. И он еще молод, может быть, двадцать два — двадцать четыре.

И все же остановился перед... я даже не знаю, как и зовут ее.

И очень рассеянно, почти машинально спросил:

— Вы что тут? Вам плохо? Вы нездоровы?

— Нет, ничего, так — немного... нога.

— Да, да... это бывает... поболит и пройдет. Это нестрашно.

Постоял, помолчал, сел: случайный прохожий.

— Это нестрашно. А я вот... зачем я иду?

И полегоньку, с запинками, начал рассказывать, неизвестно зачем, себе самому, как он узнал от приехавшего товарища и земляка, что его мать умерла. Уже давно умерла, а он не знал. Уже месяца три, как умерла. А он это время все ей писал и часто писал. Он любил свою мать: единственный друг. Видно, там адрес его потеряли. Или писем его не нашли. Да и кому находить? Жила она одна-одинехонька. Сына ждала, а сын на полгода уехал: в языках совершенствоваться, покой ее зарабатывать. А покой пришел сам.

— И вот... буду жить. Экзамены бросил. Не додержал. И поехал. Я тут, в вашем городе, слез, а еще верст тридцать пешком.

И он машинально тронул ей руку:

— Не плачьте!

(Тут Никита Петрович, рассказывая, сам взял руку Оленьки своею большою рукой, крепко пожал и отпустил. Движение это было непроизвольно и коротко, как если бы сам себе не отдавал в нем отчета. Оленька тихо и очень задумчиво повела на него головой, а он между тем продолжал):

— Не плачьте!

— Я слушаю вас, — отвечала она.— Я не плачу.

— Да, да... конечно. Это я так... я скорей о себе.

— Что вы? Нет! Говорите!

Слова были коротки, не очень как будто и связны, но явственно передавали движение сердца.

И он еще посидел. Немного. И еще, как бы опять себе самому, припоминал кое-что, по кусочкам, из жизни своей с покойною матерью: детство и как с нею он расставался.

И вдруг, разволновавшись, замолк и поднялся:

— Ну, прощайте теперь!

И опять зашагал по дороге.

Девушка, верно, не плакала. Но она вся замерла и глядела ему вслед. Она была неподвижна, но огромное движение возникло в ней — смятение чувств, ей самой непонятное. Что-то роилось и сталкивалось, перемещалось: так, быть может, в бутоне вдруг задрожат все лепестки перед тем, как развернуться цветком.

Она протянула руку за уходившим, и рука упала на траву. Тогда, не отдавая себе отчета, зачем, почему, она его позвала:

— Погодите! Подите сюда! Мне вам что-то необходимо сказать.

Он обернулся и немного помедлил, будто безмолвно спрашивал, что же она хотела сказать.

Но она сама не знала этого, и когда снова он к ней подошел, она так ничего и не сказала.

Однако же, кажется, он (он был все же постарше) что-то в ней понял. Он наклонился к ней и вгляделся в нее, в глаза ее, полные света и навернувшихся слез. И его самого, я это знаю наверное, также как бы зашатало. Ну, так молодой тополек вдруг зашатается под налетом внезапного ветра. Но и он ничего не сказал и не мог ничего сказать: думы его, с которыми шел, были первее всего. Он не мог ничего другого пустить в свою душу. И, однако же, на минуту сердце его приоткрылось: мать и незнакомая девушка как бы смешались в одну. Он взял ее руку и поцеловал.

И вот девушка снова осталась одна и продолжала сидеть, как сидела. А скоро опять птичьею стайкой набежали подружки, приятели: самолет опускался действительно, но на минуту; они и видели и ничего не видали.

— Да что же с тобой? Что ты сидишь? Ты, кажется, плачешь?

— Нет, я не плачу. Это нога у меня...

Те принялись хлопотать.

— Больно? А где?

— Нет, ничего,— сказала она, сдерживаясь.— Отойдите. Совсем не нога.

И вдруг зарыдала. Быстрые слезы закапали ей на руки, на грудь, на подол ее платья, на траву...

Нам не хотелось нарушать наступившего молчанья. Никита Петрович, однако, прервал его сам.

— Ну, вот мой рассказ,— промолвил он, пытаясь улыбнуться.— А впрочем, была и еще одна частность, странная, может быть, к делу не относящаяся, но она крепко врезалась в мою память.

— Да ведь вы же сказали, что все это выдумано. При чем же тут память?—не очень-то кстати, но по молодой своей честности перебила Наташа.

— Конечно, не «память», я хотел сказать: «воображение»,— быстро поправился он.— Это у него в память врезалось. Когда он целовал ее руку, то увидал странную вещь: у девушки той... вот именно здесь было большое родимое пятно.

И тут произошло так: кончая последнюю фразу, он быстро опять взял руку Оленьки и чуть отогнул набегавший на кисть длинный рукав, что-то как бы проверяя. Это было для всех неожиданностью.

Девушка слушала, доселе растроганная, но тут она вспыхнула и быстро отдернула руку.

— Как вам не стыдно!—вскричала она.— И как вы заметили и кто вам дал право смеяться над этим?!

Оленька в гневе была хороша, и голос ее зазвучал как струна, туго натянутая. Но что же, однако, все это значит? Что же Никита Петрович?

Ни у одного человека, пожалуй, за всю мою жизнь я не видал такого лица, какое было в эту минуту у старого моего знакомца. Как если бы время через все его долгие, медлительные годы бежало стремительно вспять. Не умею о том рассказать. Ну вот на поезде проносишься мимо других, встречных вагонов: мелькают они и сливаются между собою, и видишь сквозь них и здания, и людей, и деревья.

И вдруг он издал какой-то возглас, в котором лишь звук, не успевший одеться в слова, захвативший дыханье, выдавал ту великую бурю, что на него налетела: бурю и радость.

Вряд ли он слышал возмущение Оленьки, вряд ли и видел, как вслед за минутною вспышкой, взглянув на него, крепко она сжала губы и виновато потупила взор; и вообще вряд ли он что-нибудь возле себя замечал.

Исчез он с какою-то непостижимою быстротой, не вымолвив слова, ни с кем не попрощавшись. И мы отнеслись к этому просто, как если бы так и быть надлежало.

Оленька-Таракан тотчас удалилась к Наташе, о чем-то они пошептались, и скоро она также ушла. Все было ясно теперь: он говорил о себе!

Наташа зашла перед тем, как ложиться.

— Наташа, о чем вы шептались?

— О, папа, как странно! Ведь тараканчик оленькин, у нее это, папа, наследство от матери. И у мамы ее такое же пятнышко; и там же как раз. Он угадал!

— Так и ты догадалась?

— Мы обо всем догадались,— отвечала она и за себя и за Оленьку.

Мне стало вдруг весело. Я думал: «Однако нужного ему человека Никита Петрович у меня пропустил, а нашел зато самое для себя дорогое! Так вот как задумчивый наш человек—с каким запозданием, но и с упорством каким!—нагнал-таки свое прошлое...»

— Ну, что же, Наташа, пожалуй теперь надо выписывать олину маму?

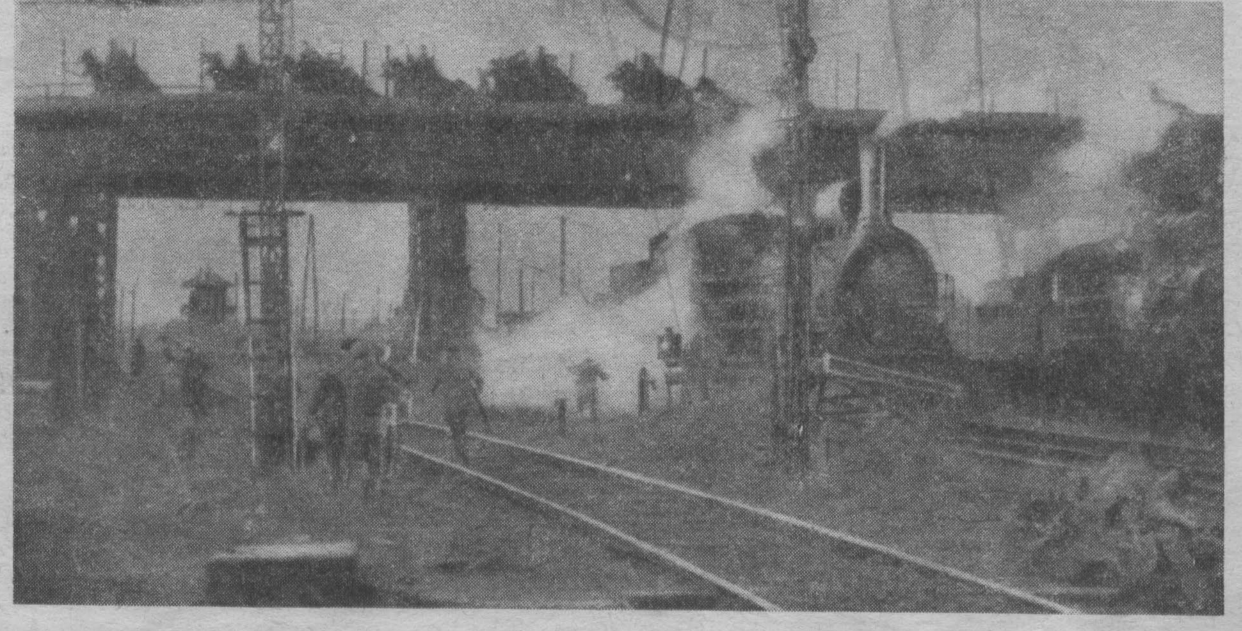
— А то, может, Никита Петрович сам съездит за ней?—возразила Наташа, лукаво улыбнувшись.—И уж на поезд, поверь, не опоздает... Задумчивость кончилась!

«ПЕРВАЯ КОННАЯ»

В Московской орденоносной киностудии «Мосфильм» заканчивают с'емки большого кинофильма из истории гражданской войны «Первая Конная». Сценарий писателя-орденоносца Вс. Вишневского. Режиссер фильма — орденоносец Е. Дзиган.

Кадры из фильма: справа — бойцы Первой Конной. Внизу—боевой эпизод на железнодорожной станции в предместье Житомира.

Л. Никулин

Ясная Поляна

Фото Р. Бенарио

В воскресный день, после полудня, мы подъезжали к усадьбе Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

Был день отдыха. Перед хорошо знакомыми по фотографическим снимкам каменными белыми столбами у въезда в яснополянский парк стояли грузовики, автобусы, легковые машины. Их было довольно много, примерно столько, сколько бывает в Москве у въезда в общественный парк.

В тот день мы сделали немного более двухсот километров в автомобиле: миновали Подольск и Серпухов, проехали по живописной дороге, ведущей от Москвы на юг. Иногда это была прямая дорога, она разрезала, как поток, зеленеющую равнину. Иногда мы поднимались на косогоры, и тогда далеко вокруг были видны одинокие деревья и темнозеленые дубовые рощи — прелестные пейзажи средней полосы России.

По этой дороге не однажды ездил из Москвы в Ясную Поляну Лев Толстой. Он прошел ее как пешеход, и потому поездка из Москвы в Ясную Поляну на автомобиле по шоссе была до известной степени введением в посещение яснополянской усадьбы Льва Толстого.

Только что мы проехали заводские районы Тулы, еще несколько километров — и мы очутились в старом, немного запущенном парке с заросшим тиной прудом, в парке, за которым начинался заповедный лес.

И в зеленой чаще на пригорке мы увидели небольшой белый хорошо знакомый по сотням фотографий дом, в котором прожил многие годы своей жизни великий русский писатель.

С какой бы точностью ни передавала фотография местность, архитектуру зданий, наконец, предметы, расположенные на местности,— все это, видимое в натуре, видимое человеческим глазом, приобретает особое значение и прелесть. И хотя мы представляли себе, как выглядит дом Толстого снаружи и внутри, но в натуре, освещенное солнцем, в цвете и красках, все окружающее глубоко волновало нас.

Здесь не ощущалось того академического, музейного благолепия, которое навевает на посетителей некую грусть. Все то, что видишь в Ясной Поляне,— это как бы живые иллюстрации к биографии гениального художника.

Деревянная лестница во второй этаж... Книжные шкафы, библиотека Толстого — первое, что привлекает внимание посетителей. Каким бы огромным ни был талант художника, каким бы необычайным даром ни наградила его природа, он будет истинно великим только тогда, когда познает лучшее, что дали человечеству наука и искусство.

Толстой читал жадно и страстно. Сотни книг носят на себе пометки его карандаша. Есть среди нескольких тысяч книг, собранных в библиотеке Толстого в Ясной Поляне, одна маленькая книжечка, которую читал Толстой и делал на ней пометки карандашом. И эта книжечка для нашего современника имеет особую ценность и значение: в ней напечатана статья В. И. Ленина «О бойкоте третьей Думы».

Здесь цитата из Ленина отчеркнута Толстым.

И вот люди нашего времени стоят у книжного шкафа и с глубоким вниманием разглядывают документ эпохи — строки великого Ленина, привлекшие внимание гениального современника, писателя Льва Толстого.

Толстой ненавидел самодержавие, весь чиновничий, поповский строй царского времени. С огромной силой ненависти он разоблачал этот мир и, однако, пришел к реакционной идее непротивления злу. А Ленин уничтожил до корня, разбил этот старый мир и создал на его развалинах страну социализма. Ленин стоял во главе величайшей революции всех веков и народов. И новое поколение, родившееся в стране Ленина, в стране Сталина: рабочие, учащиеся, интеллигенты, колхозники,—не торопясь, раз-

Кабинет Л. Н. Толстого в Ясной Поляне

мыслям и споря, проходит по комнатам дома, где жил Толстой.

Они с любопытством рассматривают простое кресло, где вечерами сидел Толстой, слушая музыку.

Сосредоточенно и с грустью слушают посетители рассказ о том, что произошло в одну осеннюю ночь 1910 года: глубокий старик, на восемьдесят третьем году жизни, тайно уехал из дома, где прожил более полувека.

Здесь он жил в годы своей огромной, всенародной славы, сюда приезжали к нему знаменитые люди его времени и приходили пешком безвестные странники, искатели веры, приходили и переодетые сыщики охранки.

Здесь он жил, открыто презирая и ненавидя царя всея Руси Николая II. А. С. Суворин, владелец реакционнейшей газеты «Новое время» (в прошлом либеральный литератор), имел полное основание писать в своих записях о том, что в России два властителя: один из них — Лев Толстой, а другой — царь — и что царь боится Толстого.

Толстовцы, последователи религиозных взглядов Толстого, много трудились над тем, чтобы представить Толстого в жизни елейным, тихим, добрейшим старцем. Но в воспоминаниях Горького и в воспоминаниях других наблюдательных и правдивых людей Толстой предстоит перед нами страстным, непримиримым человеком, умеющим ненавидеть и презирать достойных презрения людей.

Этот страстный, неукротимый и гениальный старик, этот «матерый человечище», как сказал о нем Ленин, ближе и понятнее нам чем тот елейный, смиренномудрый, сокрушающийся о мирском зле старичок, которого рисовали толстовцы.

Москва — Ясная Поляна — станция Астапово...

Эпилог жизни Толстого — уход из Ясной Поляны,— мышиная суета репортеров желтых газет вокруг его семьи, пошлейшие статьи в газетах о «тайне Толстого», интеллигентные, слезливые причитания — как это все меркнет перед драгоценными страницами, которые оставил нашему народу Толстой!

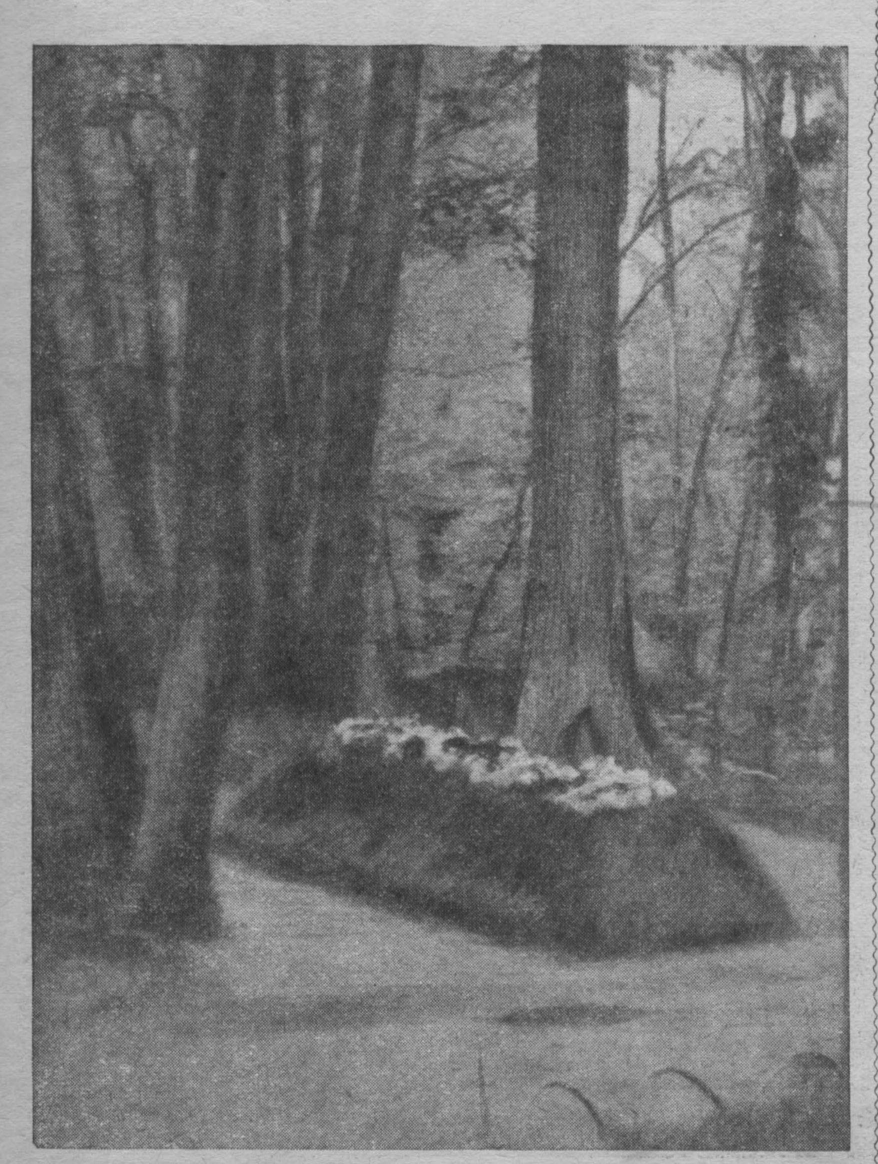
В глубине яснополянского парка, под столетними деревьями, возвышается нечто вроде продолговатой, заросшей травой клумбы — это могила Толстого. Здесь нет пышных славословий, нет никакой эпитафии; те, кто приходит на могилу, знают, кто здесь лежит.

Приходят девушки-учительницы с томиком «Анны Карениной», приходят тульские оружейники и их дети, приходят красноармейцы, и это дань глубокого уважения гению Толстого.

Яснополянская школа носит имя Толстого, станция Козловая Засека называется теперь Ясная Поляна, Астапово, где кончил свои дни писатель, называется станция Лев Толстой.

Не забывает советский народ того, кто первый и единственно правдиво показал в русской литературе образ русского крестьянина, кто передал нам тончайшие помыслы души человека, жизнь, смерть и любовь, горе и радость жизни.

Не забывает родина своего великого сына.

Могила Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

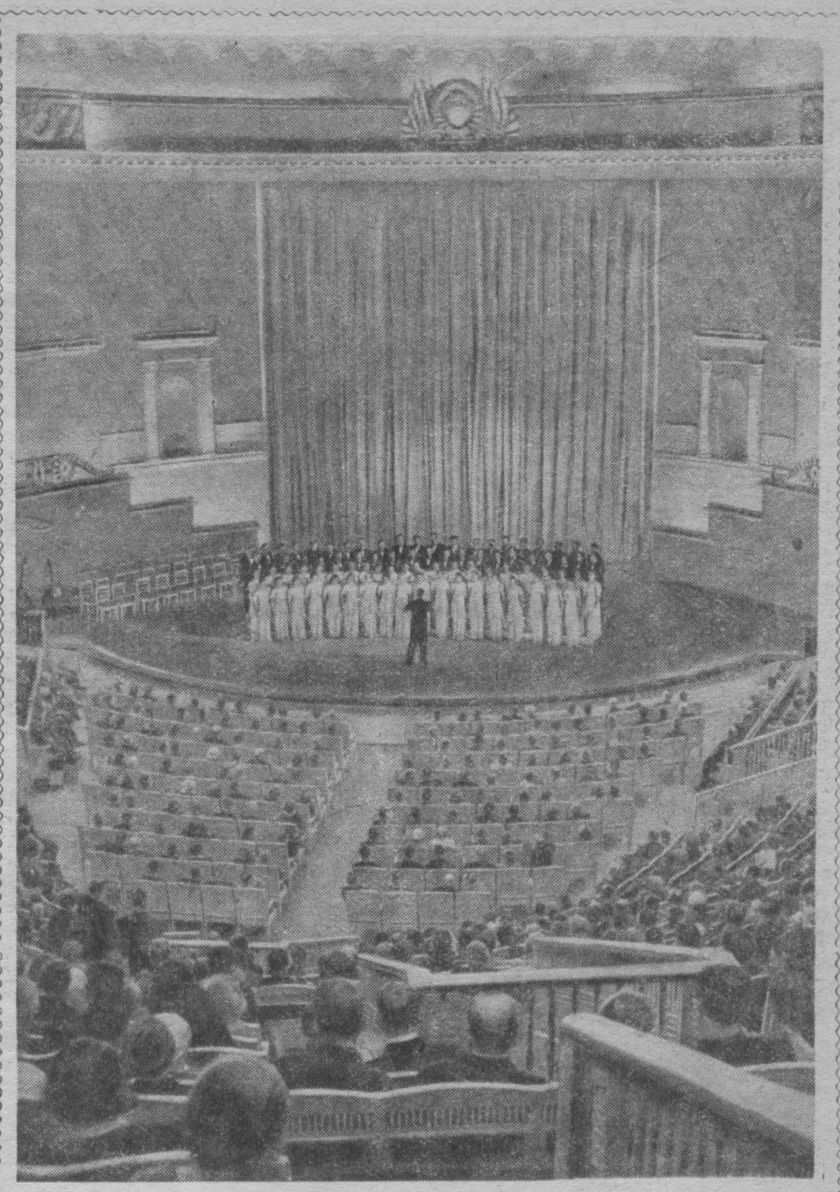

Фото Н. Коноплева.

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО

Концертный зал расположен в одном из шумных районов Москвы, на площади Маяковского. Строители зала — архитекторы Н. Д. Чечулин и К. К. Орлов — сделали все, чтобы шумы города не доносились в зал, где господствует музыка.

Зал представляет собою полный эллипс. В одном конце эстрада, занимающая одну четверть площади, в другом — амфитеатр, взметнувшийся на огромную высоту. Мягкий, рассеянный свет льется сверху. Потолок сплошь стеклянный, украшенный строгим рисунком. Интерьер здания прост, ясен, выразителен. Эстрада перед глазами у любого зрителя. Зал рассчитан на то, чтобы ничто не отвлекало внимания, ни одно резкое пятно не привлекало взор. Белые стены, желтоватые занавесы, светлоголубые кресла и белые, цвета слоновой кости, перила. 1600 человек вмещает зал. Нет среди них такого, до которого бы звук не доходил во всей своей отчетливости.

Архитекторы позаботились о том, чтобы не только слушателям, но также и артистам были созданы максимальные удобства. Шесть комнат отведены музыкантам. Три репетиционные зала расположены в рабочей части концертного здания. Отделывается зал отдыха, где среди зелени, в мягких креслах смогут отдыхать певцы, скрипачи, виолончелисты и др.

Высокое совершенство нашей строительной техники сказывается во всем. Во время концерта лицо овевает прохлада, и надо быть очень наблюдательным, чтобы заметить прекрасно замаскированные отдушины вентиляции в спинках кресел.

Мягкие ковры делают шаги зрителей неслышными.

Зимний сад. Пока в нем немного растений и еще не успел зажурчать фонтан. Но и сейчас уже приятно пройти в антракте в этот прохладный уголок.

Архитектура — застывшая музыка; это любимая поговорка архитекторов. Музыканты говорят, что в облике нового концертного зала, в его величественных пропорциях слышится музыкальное звучание. Десять стройных колонн поддерживают фронтон здания. Народы СССР, изображенные на барельефе, славят самое эмоциональное из искусств — музыку.

В. Сухаревич

Э. Голлербах

БЕСЕДА О РОДЕНЕ

Огюст Роден в своем саду в Медоне.

Уменье воплотить в скульптуре глубокое чувство, сильное переживание и передать в пластике живописные эффекты — отличительная черта творчества великого французского скульптора Огюста Родена.

Недавно исполнилось сто лет со дня рождения Родена. Его произведения украшают лучшие музеи Западной Европы. В СССР работы Родена имеются в Эрмитаже и в Музее нового западного искусства.

К числу немногих русских скульпторов, учившихся в мастерской Родена, принадлежит профессор Л. В. Шервуд, который и поделился с пишущим эти строки своими воспоминаниями о великом французском скульпторе.

— Я приехал в Париж в 1899 году,— рассказывает Шервуд.— В это время у Родена было несколько мастерских на улице Университета и одна в Медоне.

Впервые я увидал Родена спускающимся с лесов, устроенных у него в мастерской. Меня поразила небольшая коренастая фигура Родена, дышащая здоровьем и титанической силой. В его черных волосах было много седины, но несмотря на свои 60 лет он не казался стариком. Роден посмотрел фотографию с моей скульптуры «Хан и невольница», похвалил композицию, одобрил голову, но исполнение женского тела нашел вялым. Затем он взял с полки несколько своих этюдов, показал их мне, давая краткие пояснения. Один из помощников Родена провел меня по мастерским, где для парижской выставки 1900 года изготовлялись

«Мыслитель». 1880 год.

мраморные копии с лучших произведений Родена: «Виктор Гюго», «Бальзак», «Ева». Глубокое впечатление произвела на меня фигура Гюго, которого скульптор изобразил обнаженным, с целью подчеркнуть вневременное, всечеловеческое значение его личности и творчества.

В мастерской Родена преподавал его ученик Бурдель. Следуя заветам своего наставника, он требовал почти копировки модели. Сам Роден посещал занятия только два раза в месяц. Он учил уменью охватить всю форму и передать ее как результат зоркого наблюдения и изучения. «Природа никогда не ошибается»,— говорил он. Можно сказать, что Роден открыл нам, молодым скульпторам, законы ритма человеческого тела, его гармонию. В работе над скульптурой он советовал обходиться без инструментов, работать только пальцами, добиваясь детальной моделировки.

В случае ошибки надо срезать неудачное место и вновь лепить его, ища пластической правды в самом процессе лепки.

— Что, на ваш взгляд, наиболее ценно и значительно в творчестве Родена?

— Прочная связь каждой его мысли с материальной формой. В творчестве Родена ярко выражено материалистическое мироощущение. Замечательно его уменье передать стихийное начало в человеке, его родство с космосом.

Роден сумел показать, что импрессионизм в скульптуре не сводится к

«Граждане Кале». 1886 год.

игре света и теней. Скульптура Родена не проигрывает в пленэре, как думают иные, потому что у нее есть строгая форма. Пафос пластики выражен у Родена как ни у кого. Можно говорить о предшественниках Родена только в отношении тем, но не в смысле характера исполнения. Творчество Родена — это поэзия материализма. Если Микель-Анжело силен в анатомии тела, то Роден поражает знанием физиологии тела. В каждом его произведении вы видите глубокий анализ пластического характера тела — знание, как работает тот или другой мускул, отдыхает он или напряжен и т. д.

Мы стали просматривать книги с репродукциями работ Родена. Перелистывая книгу Рильке, Л. В. Шервуд остановился на снимке с известной скульптуры «Мыслитель».

— Я считаю, — сказал он, — что здесь показан философ-материалист; это, может быть, простой рабочий, охваченный философским раздумьем. Вся его фигура выражает могучее напряжение мысли. Посмотрите, как крепко поджаты пальцы ног. Скульптура «Мыслитель» перекликается с скульптурой «Мысль»: идея в них одна — это связь человека с природой, с матерней.

Эскиз памятника Виктору Гюго. 1886 год.

← «Бальзак». 1897 год.

Речь зашла о знаменитой группе «Граждане Кале».

— Одно из самых сильных произведений Родена, — продолжал Л. В. Шервуд, — это памятник в Кале, изображающий шесть граждан этого города [1]. «Граждане Кале» поражают своей выразительностью и своеобразием композиции. Лица и жесты людей, добровольно идущих на смерть ради спасения своих сограждан, раскрывают перед нами высокий патриотизм героев и потрясающий драматизм события. Мы видим здесь оттенки разных чувств: самопожертвования, мужества, скорби, сомнения.

— Правдивость Родена необычайна. Голову «Человека со сломанным носом» критика склонна была считать вызывающим трюком. А это было искание жизненной правды: Роден показал своеобразное пластическое течение формы в сторону, как бы бросив вызов академической симметрии.

Порою Роден доходил до такой точности в передаче натуры, что, например, его «Бронзовый век» не хотели принять на выставку, думая, что он просто сформован с натурщика. Это показывает, как близок бывал Роден к жизненной правде. Он любил говорить: «Нужно определить неопределенность. Скульптор в каждой своей работе определяет некую новую неопределенность».

[1] В старинной французской хронике, из которой Роден взял тему своего произведения, рассказывается, что английский король Эдуард III согласился (в дни войны 1347 года) пощадить население Кале при условии, что шесть самых знатных граждан города выйдут к нему на расправу — босые, с обнаженной головой, с веревкой вокруг шеи и с ключами от города в руках. — Э. Г.

Просматривая рисунки Родена, я отозвался о них скептически, указал на робость повторных линий, определяющих контуры.

— Ну, нет, — запротестовал Шервуд, — это, может быть, небрежность, но не робость. В рисунках Родена сделано как будто очень мало, но выражено в них много.

— Как работал Роден?

— Вопреки учебному принципу охвата всей модели в целом сам он работал по частям, как бы собирал вещь по фрагментам. В Медоне огромное количество этюдов отдельных частей тела занимало целые кладовые. Роден давал эти этюды Бурделю, который делал по ним законченные скульптуры.

В мастерской Родена всегда было несколько моделей, и он лепил с них эскизы.

— Как расцениваете вы влияние Родена на русских скульпторов?

— Мне кажется, что близкий к Родену Трубецкой менее философ чем Роден. У Трубецкого поверхностное, сентиментальное отношение к действительности, тогда как Роден идет от глубокого знания человека и любви к нему. Правда, и у Трубецкого есть бережное отношение к восприятию природы, присущее Родену. Скульптор Голубкина хотела взять нечто от Родена, но извратила его приемы. Коненков близок к Родену в лучших из своих работ.

— Чему должны учиться у Родена молодые советские скульпторы?

— Прежде всего у великого француза надо учиться его пониманию внутренней жизни тела: он и ощущал ее и точно знал. Связь художественного образа с материалом — вот что особенно ценно в творчестве Родена. Эту связь и надо изучать. Молодые советские скульпторы должны понять вдохновенный материализм Родена.

НОВОЕ, СОВЕТСКОЕ...

Фотоочерк Я. Халипа

Город Кишинев, освобожденный от ненавистного господства румынских бояр, познает новую радостную советскую действительность.

«Прием бесплатный» — дощечка с такой надписью появилась с приходом советской власти на стене родильного отделения первой городской больницы Кишинева. Раньше, в годы мрачного господства румынских оккупантов, этот родильный дом обслуживал богатых: один день пребывания здесь стоил 112 лей.

На снимках (вверху): акушерки Галинская, Хондру и Сбырня ухаживают за новорожденными; внизу (слева) — кормление новорожденного; справа — ординатор тов. Филатов поздравляет жену пекаря М. А. Свидерскую, родившую двух мальчиков. Два новых советских гражданина, родившихся в свободном городе Кишиневе, уже никогда не будут знать ужасов капиталистического гнета.

За рубежом

«СОЛОМЕННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ». Житель городов и селений США не удивляется, когда в метро, на улице, при выходе из кино и даже дома юркий молодой человек, держа блокнот в руках, настойчиво допытывается:

«Какую марку автомобиля вы считаете лучшей?»

«Какие предпочитаете сигареты: «Олд-Голд», «Честерфильд» или «Кэймел»?»

«Каким видом транспорта вы намерены пользоваться во время отпуска?»

«Какая актриса является, по вашему мнению, наиболее популярной?», и т. д. и т. п.

Эти вопросы обыватель принимает как нормальное явление. Как должное встречает он, например, сообщения журнала «Форчун», поквартально производящего такие опросы: предпочитают ли жители страны марку автомобиля «Шевроле» автомобилю «Форд», что они больше курят — сигареты «Кэймел» или «Олд-Голд», охотнее ли идут в кино, когда в картине играет Кароль Ломбард или Кларк Кэйбл, и т. д.

В такого рода сообщениях печати довольно легко увидеть трюки рекламных контор, получивших солидные куши от монопольных концернов для пропаганды сбыта изделий. В газете, в кино, в огромных плакатах, надписях на спичечных коробках, в церкви, в дансинге, в отеле, на щитах автомобильных дорог и вокзалах — всюду и везде жителя США преследует реклама.

Голос «человека с улицы» — тоже форма рекламы. Кто может установить правильность тех или иных сведений, публикуемых в печати или сообщаемых по радио? Ведь из 130 миллионов человек, населяющих страну, по признанию того же журнала «Форчун», спрашивают, в лучшем случае, лишь несколько тысяч! Но сведения даются как мнение всей страны.

«Соломенное голосование» (случайный опрос первых попавшихся людей) широко вошло в быт США. К нему прибегают в американских колледжах, при ежегодных традиционных выборах наиболее умного, наиболее талантливого, наиболее красивого, самого популярного или наилучшего спортсмена среди студентов. «Соломенное голосование» применяется в различного рода обществах, клубах, сборищах зачастую по самым неожиданным поводам и вопросам.

Не менее любопытной в быте США формой обработки общественного мнения являются обычные пари. Наиболее любимым предложением американцев при стремлении доказать свою правоту является «давай спорить». Предприимчивые дельцы использовали эту черту обывателя, стремящегося даже свои взгляды выразить в долларах.

В одном из небоскребов верхней части Нью-Йорка, вблизи района Уолл-стрит, открыта специальная контора, что-то вроде нотариальной. Поспорили между собой два человека, скажем, по вопросу, «родится ли у мисс Смит сын или дочка», «чья теща скорее помрет», «кого раньше оштрафуют за нарушение правил уличного движения», «какая футбольная команда выиграет традиционные осенние соревнования»,— они заходят в эту контору и регистрируют условия своего пари. Впоследствии они могут обратиться сюда для разрешения возникших недоразумений и даже воспользоваться услугами конторы при обращении в суд для взыскания проигранного пари.

«Соломенное голосование» и пари — лишь небольшая часть тех трюков и махинаций политической машины, которыми переполнен быт Соединенных штатов Америки.

СУДЬБА НАПОЛЕОНОВСКИХ РЕЛИКВИЙ. Во время войны фантазия часто смешивается с действительностью. К какому из этих разрядов относится, например, сообщение венгерской газеты «Пестер ллойд» о реликвиях Наполеона? По утверждению газеты, они были случайно обнаружены возле Парижа в то время, когда толпы беженцев шли из столицы на юг Франции.

Французский врач доктор Гийи, пищет «Пестер ллойд», занимался осмотром раненых солдат, когда внезапно в его больницу в Этампе пришло известие о вступлении германских войск в Париж. Вскоре в больницу явился военный, который сообщил врачу следующее:

— Не знаю, к кому мне обратиться. Возле больницы обнаружены на двух бесхозяйных грузовиках ценные исторические предметы.

Пораженный этим сообщением, доктор выбежал на улицу и среди огромной массы всякого рода грузовиков, пострадавших от последней бомбардировки, он нащел два грузовых автомобиля, на которых находились ящики, откуда торчали богато разукрашенные сабли и другие предметы.

Врач поспешил тщательно упаковать все эти предметы, наклеил на ящики бумажки с надписью «Медицинские инструменты» и приказал перенести их в больницу.

Ночью доктор перевез ящики в Версаль. Комиссия версальского муниципалитета открыла ящики и обнаружила в них 30 винтовок, 51 саблю, 25 пистолетов, 5 наполеоновских знамен, 2 маршальских жезла, 50 золотых и 169 серебряных медалей. Особенно поразил всех вид предметов, находившихся в личной собственности Наполеона, а именно: знаменитой треуголки, которую он носил во время битвы под Ватерлоо, зеленого мундира, в котором он был одет в бою под Маренго, и пр. Эти предметы, оставшиеся невредимыми после бесконечных наполеоновских войн, пострадали от пуль и осколков гранат производства 1940 года...

ПРОДАННЫЕ НОГИ. У Поля Лафарга есть известный памфлет «Проданный апетит». Пресыщенный миллиардер покупает у рабочего апетит и заставляет его выполнять всю черную работу пищеварения. Себе же он оставляет исключительно наслаждение чревоугодия.

Проданные ноги—не фантазия. Безработные девушки в Нью-Йорке «продают» свои ноги бюро обслуживания. Они обязаны за мизерную плату «разнашивать» узкую обувь клиенток бюро — богатых дам.

Морщась от нестерпимой боли, одетые в поношенные платья, девушки добросовестно «щеголяют» на улицах Нью-Йорка в новеньких дорогих туфлях, которые они меняют чуть ли не каждый день.

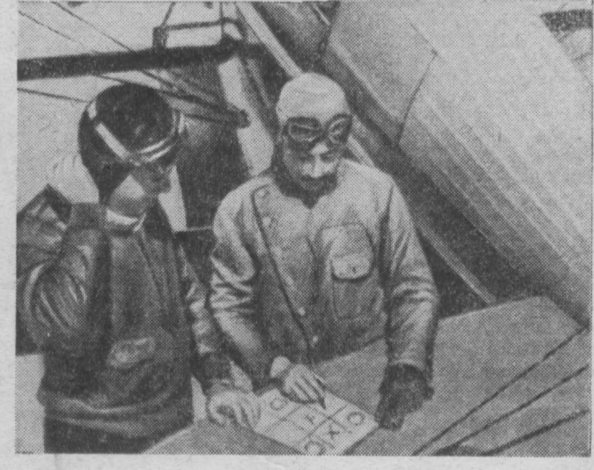
НЕОБЫЧНАЯ ИГРА

Небесное пространство заменяет бумагу.

На службе рекламных фирм в США состоят и летчики. Они пишут рекламные надписи на небе. Два таких американских летчика недавно продемонстрировали свое искусство, проведя старинную школьную игру в необычных условиях.

Изумленные пешеходы, задрав головы вверх, наблюдали за игрой, которая заключалась в том, что каждый из летчиков стремился заполнить первым все три поля кружочками или крестиками.

На снимках: отдельные этапы небесной «игры». Вверху таблица, равно как и кружочки и крестики, нанесенные на нее воздушными игроками, начерчена необычным «карандашом»—дымовыми струями самолетов. В центре слева — таблица перед началом игры. В центре справа — партнеры приступают к состязанию. Внизу слева — контрольный лист, на который летчики заносят каждый ход.

Новое в науке и технике

АВТОМОБИЛЬ БУДУЩЕГО. Судя по патентам, полученным за последнее время рядом американских фирм, основной чертой автомобиля будущего явится расположение мотора в задней части машины, около задней оси. Сиденье водителя (одиночное) расположено в самом «носу» автомобиля. Это обеспечивает водителю прекрасную видимость. При помещении мотора в задней части автомобиля запах горючего не обеспокоит пассажиров.

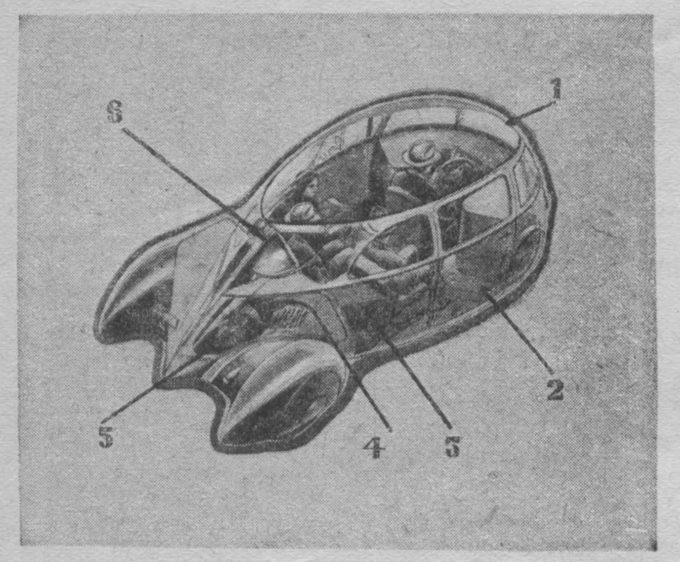
Новый патент Форда также предусматривает расположение мотора в задней части машины. Восьмицилиндровый мотор смонтирован под углом к шасси; чтобы предотвратить возможность крена машины, Форд предлагает конструкцию, в которой конус, маховик и другие более тяжелые части расположены с одной, а коленчатый вал и группа цилиндров с другой стороны.

Одна из крупнейших американских автомобильных фирм запатентовала модель с радиальным двигателем (расположен он, как и во всех остальных новых патентах, сзади), похожим на авиационные моторы. Вместо одного большого радиатора в этой модели три маленьких: два — под фарами (сюда подается и здесь охлаждается вода), третий — сзади. Третий радиатор охлаждает мотор во время стоянки.

Интереснее всего в этой модели то, что она не имеет шасси. Скаты прикреплены к прочному, специально сконструированному стальному кузову. Двигатель также прикреплен к нему болтами. При ремонте он отвинчивается от кузова, задняя часть которого поддерживается домкратом и «выводится» из-под машины вместе с задними колесами.

Во вновь запатентованных моделях немало и других новинок: применение новых стальных сплавов, более легких и в то же время более прочных чем применявшиеся до сих пор материалы, верх кузова из прозрачной пластмассы, широкое применение во всей конструкции пластических материалов, автоматически открывающиеся дверцы, новые усовершенствования в кондиционировании воздуха, упрощение управления.

Внешний вид «автомобиля будущего», поскольку можно судить по новым американским патентам, будет все больше приближаться к форме «слезы»: широкий, закругленный спереди кузов постепенно сужается и заостряется к «хвосту»; колеса, фары, ступеньки убраны внутрь кузова, чтобы обеспечить всей конструкции максимальную обтекаемость.

1 — верхняя часть кузова из прозрачной цветной пластмассы; 2 — нижняя часть кузова металлическая; 3 — багажник; 4 — мотор; 5 — диференциал; 6 — бак для бензина.

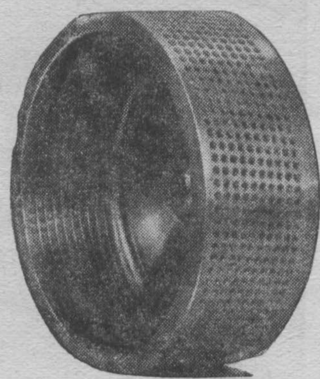
ЛЕДЯНОЙ ГЛИССЕР. Американским спортсменом разработан буер оригинальной конструкции, названный им «ледяным глиссером».

Спортсмен находится внутри своеобразного трехгранного паруса, имеющего форму крыла самолета. Он не управляет парусом, как на обычном буере, а поворачивает передние подвижные лыжи, подставляя, таким образом, ветру одну из сторон трехгранного паруса-крыла.

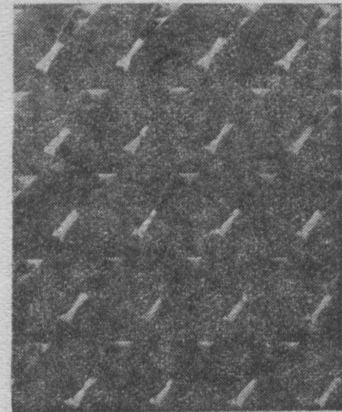
Спортсмен заходит в «кабину»-крыло через дверцу. В передней кромке крыла имеются застекленные окошки, обеспечивающие спортсмену хорошую видимость и защищающие его от резкого ветра.

ПОРТАТИВНЫЙ РЕНТГЕНОВСКИЙ АППАРАТ. В США разработан чрезвычайно компактный рентгеновский прибор, который может быть доставлен врачом на квартиру пациента. Аппарат привинчивается к постели больного. Все элементы высокого напряжения аппарата защищены, и он не представляет никакой опасности для окружающих. Аппарат рассчитан на напряжение от 50 до 60 тысяч вольт.

СТО ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ СНИМКОВ В СЕКУНДУ. Для исследования процесса искрения контактов в выключателях и других электрических приборах инженеры

американской компании «Дженерал электрик» разработали специальную кинокамеру, которая позволяет производить 120 тысяч снимков в секунду. Другими словами, молниеносная вспышка электрической искры в огромной степени замедляется, что позволяет изучить процесс искрения.

Кинопленка помещается внутри металлического барабана, имеющего тысячи мельчайших отверстий диаметром всего ¼ миллиметра. Ни одно отверстие не совпадает с каким-либо противоположным отверстием. Барабан приводится в движение электромотором мощностью 0,5 лошадиной силы и совершает 7200 оборотов в минуту. Каждое отверстие играет роль линзы киноаппарата. Таким образом, продолжительность экспозиции составляет всего лишь одну стодвадцатитысячную долю секунды.

МИНИАТЮРНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА. Молодой слесарь из гаража Конет (США) сделал одноместную стальную подводную лодку длиной 3,35 метра, 0,9 метра высоты и около 0,6 метра ширины. Тоннаж подводной лодки—около 450 килограммов. Скорость под водой—6,5 километра в час, надводная скорость — 13,5 километрочаса. Энергию лодка получает от 5 автомобильных батарей.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЙ СПОСОБ СЛЕПОЙ ПОСАДКИ. На одном из американских аэропортов применяется новый способ слепой посадки. На территории аэродрома в земле проложены кабели, через которые пропускается переменный ток. Эти кабели имеют в длину каждый 900 метров и прокладываются на глубине 1,2 метра так, что они образуют букву «V».

Пропускаемый через кабели переменный ток создает мощное электромагнитное поле, которое воздействует на две магнитные стрелки прибора, установленного в кабине пилота. Стрелки прибора также сходятся под углом и образуют букву «V». Идя на посадку, пилот должен лишь следить за тем, чтобы вертикальная черта на шкале прибора всегда проходила посредине угла, образуемого обеими магнитными стрелками.

Излучение кабелей улавливается прибором на расстоянии до 2700 метров.

КРОШЕЧНЫЙ ОЛЕНЬ

В Московском зоопарке живет около четырехсот видов животных, но большинство из них можно встретить и в других зоопарках и зоосадах. Так, в зоопарке любого крупного города можно увидеть и львов, и тигров, и белых медведей, и слона, и обезьян, и попугаев, и страуса эму, и аллигатора, и многих других животных. Но есть в Москве животное, которого нет ни в одном из зоопарков нашего Союза и ни в одном из крупнейших зоосадов Европы и Америки. Это кабарга — маленький олень, размера домашней козы, который резко отличается от всех других оленей многими особенностями. Прежде всего в глаза бросается то, что его передние ноги несколько короче задних и поэтому кабарга ходит припрыгивающей походкой, как заяц или кенгуру. Другая особенность—отсутствие у кабарги рогов, этого признака, характерного для всех оленей. Взамен их у самцов кабарги имеются тонкие и острые, как стилет, клыки, далеко выдающиеся вниз из верхней челюсти.

Кабарга в Московском зоопарке.

Этот вид, распространенный в горах Алтая, Саяна, Забайкалья, Дальнего Востока, Манчжурии, Монголии и Китая, наиболее близок к таким же мелким и имеющим клыки оленькам Индии и Индо-Китая.

Недавно было получено еще одно неожиданное доказательство родства кабарги с южноазиатскими оленями. Исследованиями сотрудников Сихотэ-Алиньского заповедника (ДВК) было установлено, что под кожей кабарги живет личинка вида овода, паразитирующая также только на... слоне и буйволе в Индии!

На кабаргу издавна ведется охота, главным образом из-за ее особой железы, содержащей мускус—«кабарожью струю».

Кабаргу привозили и ранее в зоосады и зоопарки, но обычно она быстро погибала в неволе. В начале мая кабаргу получил из Алтайского заповедника и Московский зоопарк. Несмотря на трудный и длинный путь и затруднения с подбором для них кормов в Москве, четыре привезенных оленька чувствуют себя хорошо в большом, заросшем кустарником и деревьями загоне. У одной из них в Зоопарке родился детеныш — совсем маленький, размером не более котенка.

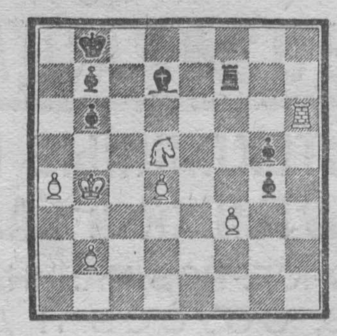
ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

Два дня протекала интереснейшая партия Лилиенталь—Бондаревский на последнем туре XII шахматного чемпионата СССР. Бондаревский явно стремился к ничьей и поэтому быстро разменял значительное количество фигур.

Получился эндшпиль с небольшим преимуществом у Лилиенталя, и это преимущество он в большом стиле довел до победы.

В этой позиции партия была отложена. Лилиенталь записал лучший ход.

Лилиенталь—Бондаревский.

1. f3 : g4 Cd7 : g4
2. Kd5 : b6 Лf7 — f2

Белые угрожали создать матовую сеть после d4—d5 — d6 и a4 — a5. Единственный шанс черных—контратака.

3. b2 — b3 Cg4 — d1
4. d4 — d5 Kpb8 — c7
5. a4 — a5 Лf2 — d2
6. Лh6—h7 + Kpc7—b8

Король не может вырваться из матовой сети, так как 6... Kpd6 после 7. Kc4 + проигрывает ладью.

7. d5 — d6 Лd2 — d4 +

Пешку d6 брать нельзя ввиду 8. Лh8 +

8. Kpb4—c5 Лd4—h4
9. d6—d7 Kpb8—c7
10. d7—d8Ф+

Черные сдались, ибо 10... Kp : d8 11. Лd7+ ведет к потере слона.

Итак, первое и второе места разделили Бондаревский и Лилиенталь с 13½ очками из 19. На третьем месте Смыслов, который сделал ничью в последнем туре с Микенасом. У него 13 очков.

На четвертом месте гроссмейстер Керес — 12 очков. Пятое и шестое места делят студент Днепропетровского университета И. Болеславский и гроссмейстер М. Ботвинник, набравшие по 11½ очков.

Решение этюда Гой («Огонек» № 2)

1. Kh3+Kph1, 2. Ca4 Ke3 3. Cc6+Kg2 4. Kpb7 a4 5. C : a4 a5 6. Kpb6 Ke3 7. Cc6+Kg2 8. Kpc5 a4 9. C:a4 Ke3 10. Cc6+Kg2. 11. Kpd5! Ke3+ 12. Kpd4+Kg2 13.Kpe4 Kh4 14. Kpe3+Kg2 15. Kpf3 и мат в два хода.

Решение позиции («Огонек» № 4)

№ 1. 1. Ф : c8 + Л : c8 2. Л : c8+Kph7 3. Лh8+ и 4. K : f7 № 2. 1. b5 h3 2. g4+ Kph4 3. b3! h5 4. g5f : g5. b4 g4 6. Kpf4 и 7. h : g мат.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛА ЧИТАТЕЛЬНИЦА «ОГОНЬКА» А. С. ЯНОВСКАЯ
(Нарьян-Мар, Ненецкий национальный округ)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Телеграфное агентство Советского Союза.
4. Река в СССР.
6. Приток Камы.
10. Герой романа Бичер-Стоу.
11. Морской измерительный прибор.
13. Специальность.
14. Пьеса Островского.
16. Первоначальный образ.
18. Дореволюционное название лица из высшего сословия.
20. Математический знак.
21. Мучное изделие.
22. Сорт вина.
24. Злак, растущий на искусственно орошаемой почве.
27. Геометрический термин.
29. Глаз.
31. Единица летосчисления.
33. Широкий овраг.
35. Дерево.
37. Цветок.
41. Персонаж из пьесы М. Горького «На дне».
42. Сверток.
44. Персонаж из оперы «Черевички».
47. Острая приправа к пище.
49. Бобовое растение.
50. Безлесная равнина.
52. Старое название автозавода в Москве.
53. Мучное изделие.
55. Различие вещей по качеству.
57. Единица времени.
58. Сибирское название хвойного леса.
59. Город в УССР.
60. Вид упаковки товара.
62. Восторженный клич.
63. Кондитерское изделие.
64. Определенная часть территории.
65. Особый стандарт.
67. Копоть.
68. Состояние воды.
69. Рынок.
70. Мазь для чистки обуви.
72. Предмет домашнего обихода.
74. Продукт неполного сгорания.
76. Насекомое.
78. Обещание.
79. Принадлежность портного.
81. Создатель произведения.
82. Принадлежность мужского костюма.
84. Близкий товарищ.
85. Вид искусства.
86. Выделанная шкура пушного животного.
90. Геометрическое тело.
92. Река на Дальнем Востоке.
95. Хозяйственно-административная единица.
97. Коренной насильственный переворот в государстве.
98. Нижняя часть предмета.
99. Библейское мужское имя.
101. Скоморох.
103. Ценный камень.
104. Учреждение.
105. Река в СССР.
107. Атмосферные осадки.
108. Паровой локомотив.
112. Сорное растение.
113. Ткань.
115. Крупный сад общественного пользования.
117. Газ.
118. Дерево.
120. Птица.
121. Гнет.
123. Музыкальный инструмент.
124. Известный советский художник - карикатурист.
125. Рыба.
128. Часть света.
130. Южный город СССР.
132. Женское имя.
133. Волшебник.
135. Зачаток наследственных свойств.
136. Талант.
137. Участок, засаженный плодовыми деревьями.
138. Паразит.
139. Отрицание.
140. Краткое изречение, выражающее руководящую мысль.
144. Сигнал тревоги.
146. Крестьянка, убирающая хлеб ручным способом.
149. Продукт труда, предназначенный для обмена или продажи.
151. Оборудование для электрического освещения.
154. Злокачественная опухоль.
155. Ягода.
157. Вьючное животное.
158. Выделение некоторых кожных желез.
159. Мебель.
160. Марка советских автомашин.
161. Боевая бронемашина.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Цифра.
2. Часть здания.
3. Мусор.
5. Вид театрального искусства.
6. Острозаразная болезнь.
7. Развлечение.
8. Действие.
9. Ложе реки.
12. Оборонный значок СССР.
13. Часть повозки.
14. Состав для придания блеска предметам.
15. Рыба.
17. Собрание в полном составе.
19. Конечность.
20. Режущий предмет.
23. Судьба.
25. Отложение на дне водоемов.
26. Совещание.
28. Вид поэтического произведения.
29. Фураж.
30. Нота.
32. Место ремонта железнодорожного подвижного состава.
34. Земельная мера.
36. Произведение М. Ю. Лермонтова.
38. Цветок.
39. Игрушка.
40. Курица, высиживающая цыплят.
41. Молочный продукт.
43. Оттенок цвета или звука.
45. Наплыв на стволах деревьев.
46. Водяное растение жарких стран.
47. Вокальный ансамбль.
48. Музыкальный знак.
51. Кустарник.
53. Родственник.
54. Произведение Н. В. Гоголя.
56. Злак.
58. Сельскохозяйственная машина.
61. Растение, применяемое в медицине.
62. Растительность на лице.
66. Территория, находящаяся позади фронта.
67. Исчисление расходов и доходов.
69. Гриб.
71. Молочный продукт.
73. Созвездие.
74. Жилище.
75. Растительность.
76. Площадка для молотьбы.
77. Размер в стихосложении.
80. Овощ.
82. Форма поэтического произведения.
83. Название.
84. Спирт для технических целей.
87. Рыба.
88. Подводное льдообразование.
89. Телесное повреждение.
91. Кушанье.
93. Месяц.
94. Вид связи.
96. Украшение.
99. Предохранительная покрышка на машинах.
100. Зародыши рыбы.
102. Пчелиный клей.
106. Морское млекопитающее.
107. Несчастье.
108. Состояние жидкости.
109. Форма литературного произведения.
110. Определение тяжести.
111. Древний русский князь.
114. Река в СССР.
116. Зарытое сокровище.
119. Птица.
122. Знаменитый русский композитор.
124. Растение.
126. Напиток.
127. Иго.
128. Состояние покоя.
129. Пища.
131. Произведение Тургенева.
134. Известный русский художник.
141. Человек, присваивающий чужую собственность.
142. Сорт сельдей.
143. Известный советский пианист.
145. Артерия.
147. Произведение Куприна.
148. Упряжь для волов.
150. Роскошное угощение.
152. Строительный материал.
153. Горное селение.
155. Небольшое судно.
156. Жидкость из ягод или плодов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, помещенный в № 30 «Огонька»

По горизонтали:

1. Сталактит. 6. Драматург. 11. Аспид. 12. Уротропин. 14. Клише. 15. Кора. 16. Ока. 17. Дно. 18. Акр. 19. Каре 24. Ватага. 26. Гольбах. 27. Лопата. 31. Чжан. 32. Пламя. 33. Волна. 34. Утка. 38. Сфинкс. 39. Мах. 40. Тендер. 43. Лион. 44. Адлер. 45. Монье. 46. Фтор. 51. Натура. 52. Инженер. 53. Штатив. 56 Нота. 58. Шар. 59. Сто. 60. Сад. 61. Стол. 67. Румба. 68. Ординатор. 69. Перец. 70. Дарвинизм. 71. Философия.

По вертикали:

1. Станкевич. 2. Ампир. 3. Аида. 4. Трубка. 5. Троя. 6 Депо. 7. Арника. 8. Арка. 9. Улица. 10. Гватемала. 13 Рактье. 20. Иго. 21. Форма. 22. Закон. 23. Лот. 25. Транспорт. 28. Авторитет. 29. Блокада. 30. Энгельс. 35. Рид. 36. Фат. 37. Ода. 41. Серна. 42. Колер. 43. Ленинград. 47. Революция. 48. Ура. 49. Нептун. 50. Эта. 54. Сапоги. 55. Капрал. 57. Тембр. 62. Тариф. 63. Сани. 64. Адам. 65. Штоф. 66. Эпос.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-02, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.
Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. ⅛ доля, 1½ бум. листа. Изд. № 1152. Техредактор А. Котельникова.
А 32422. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 27/IX—40 г. Подписано к печати 11/XI—40 г. Зак. № 3293. Тираж 300 000.
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Издательство Академии Наук СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
АТЛАС
ОХОТНИЧЬИХ и ПРОМЫСЛОВЫХ ЗВЕРЕЙ и ПТИЦ СССР

в 2-х ТОМАХ.

АТЛАС ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ Центральным Советом Всеармейского Военно-Охотничьего Общества и Зоологическим Институтом Академии Наук СССР под общей редакцией академика Зернова С. А.

АТЛАС ИЗДАЕТСЯ в 2-х томах большого формата; 800 страниц текста и более 400 многокрасочных и одноцветных рисунков зверей и птиц, таблицы следов, около 80 цветных карт, ареалов распространения животных, карт зоогеографических, ботанических и заповедников.

АТЛАС ОСВЕЩАЕТ народно-хозяйственное и оборонное значение охоты и пушного промысла в СССР.

АТЛАС РАССЧИТАН на охотников-спортсменов и промысловиков, для коллективов военных и гражданских охотников и всех интересующихся охотой и охотничьей фауной СССР.

Срок выхода из печати обоих томов в 1941 году.

ЦЕНА (ориентировочная) 2-х томов — 200 руб. При подписке вносится задаток 100 руб., который погашается при получении 2-го тома.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ направляйте: г. Москва, Б. Черкасский пер. 2, Конторе «Академкнига».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также всеми Отделениями и филиалами «Академкнига» в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове, Одессе, Львове, Минске и Казани.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР **ГЛАВКОНСЕРВ**

ВОЗВРАЩАЙТЕ
СТЕКЛЯННЫЕ БАНКИ, БУТЫЛКИ и БАЛЛОНЫ

из-под КОНСЕРВОВ, МАРИНАДОВ, ВАРЕНЬЯ, СОКОВ, СОУСОВ И ДР. ПРОДУКЦИИ ЗАВОДОВ **ГЛАВКОНСЕРВА**

ПОСУДУ ПРИНИМАЮТ:

МАГАЗИНЫ И ЛАРЬКИ ГЛАВКОНСЕРВА и пр. сеть, торгующая консервами.

ОПЛАТА ПО УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНАМ от 50 коп. до 6 руб. 60 коп.

Принимается посуда неповрежденная и чисто вымытая.

ВСЕ МАГАЗИНЫ
ГЛАВЛИКЕРВОДКИ
И ВСЕ
ВИННО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОДУКТОВЫЕ МАГАЗИНЫ ГОСТОРГОВЛИ и КООПЕРАЦИИ,
ТОРГУЮЩИЕ ИЗДЕЛИЯМИ ГЛАВЛИКЕРВОДКИ,
ПРИНИМАЮТ
В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ
ПОСУДУ
ИЗ-ПОД ВОДКИ и ЛИКЕРО-ВОДОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ.

СДАВАЙТЕ ПОРОЖНЮЮ ПОСУДУ из-под изделий ГЛАВЛИКЕРВОДКИ

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"
ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «ЮНО»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО".

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»,

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.
МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

ДЛТ НКТ

НКТ СССР—ГЛАВУНИВЕРМАГ

УНИВЕРМАГ

„ДОМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ТОРГОВЛИ“, Ленинград, ул. Желябова, д. 21/23.

ПОСТОЯННО В ПРОДАЖЕ В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ:

ДАМСКОЕ, МУЖСКОЕ и ДЕТСКОЕ **ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ и ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.**

ЛУЧШИЕ МОДЕЛИ, изготовленные производственными мастерскими универмага. **КАРАКУЛЕВЫЕ МАНТО** и др. МЕХОВЫЕ ВЕЩИ. **Строчевышивальные изделия и белье-трикотаж.** Разнообразных расцветок и рисунков **ШОЛКОВЫЕ, ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ и ЛЬНЯНЫЕ ТКАНИ.**

МЕБЕЛЬ и ГАРНИТУРЫ МЕБЕЛИ.

КОВРЫ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ, КАВКАЗСКИЕ, УКРАИНСКИЕ и ПЕРСИДСКИЕ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: РОЯЛИ, ПИАНИНО, ПАТЕФОНЫ, БАЯНЫ, СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Специальные отделы с детским ассортиментом товаров — ВСЕ ДЛЯ НОВОРОЖДЕННЫХ. ОБУВЬ, БЕЛЬЕ, ТРИКОТАЖ. ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ и ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ, ИГРУШКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЕЛОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ. • СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ПОДАРКОВ.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ УНИВЕРМАГА: справки о товарах (тел. № 510 — 43), сборка и упаковка пакетов, вызов такси, камера хранения, доставка на дом и др.

НАРКОМЧЕРМЕТ СССР
ГЛАВВТОРЧЕРМЕТ

Производит заготовку лома черных металлов

ЛОМ ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ НУЖЕН ЗАВОДАМ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

•

ЧЕМ БОЛЬШЕ СОБЕРЕМ и СДАДИМ ЛОМА, ТЕМ БОЛЬШЕ ДАДИМ СТРАНЕ НОВЫХ МАШИН, СТАНКОВ, ТРАКТОРОВ, КОМБАЙНОВ, ПАРОВОЗОВ, ВАГОНОВ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ УКРЕПИМ ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ.

•

НА ЗАВОДАХ, ФАБРИКАХ, СТРОЙКАХ, В СОВХОЗАХ, КОЛХОЗАХ, МТС, МТМ ГОДАМИ ЛЕЖАТ пришедшие в негодность:

СТАНИНЫ	Части: **ТРАКТОРОВ**	**ЛЕМЕХИ**
МАХОВИКИ	**СЕЯЛОК**	**ГРАБЛИ**
ШЕСТЕРНИ	**ВЕЯЛОК**	**ВИЛЫ**
РЕЛЬСЫ	**БОРОН**	**ПОДКОВЫ**
БАЛКИ		**ТОПОРЫ**
		УХВАТЫ и др.

ГРАЖДАНЕ, СОБИРАЙТЕ В СВОИХ МАСТЕРСКИХ, ДВОРАХ, СКЛАДАХ, САРАЯХ ЛОМ И СДАВАЙТЕ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА И ЕГО КОНТРАГЕНТАМ (ЦЕНТРОУТИЛЬ, СОЮЗУТИЛЬ, ПРОМКООПЕРАЦИЯ).

ЦЕНЫ ЗА ЛОМ ПО ПРЕЙСКУРАНТУ ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА.

Стоимость вывозки лома на базы ГЛАВВТОРЧЕРМЕТА оплачивается отдельно.

Огонек
Цена 50 коп.